

Я найду тебя

Автор:

Лиз Лоулер

Я найду тебя

Лиз Лоулер

Скальпель. Медицинский триллер

Год назад бесследно пропала Зои Джейкобс. Ее сестра Эмили не может смириться с потерей и не прекращает собственное расследование.

Эмоциональное состояние Эмили сильно пошатнулось и вызывает опасения у друзей и коллег. Однажды после небольшой операции она просыпается в клинике и видит доктора, безуспешно пытающегося реанимировать женщину на соседней койке. Но утром абсолютно все говорят, что койка была пуста, а то, что она видела, – лишь кошмар из-за наркоза. Эмили верит врачам – пока не обнаруживает вещественное доказательство существования незнакомки. Женщина исчезла, и ее судьба неизвестна. Что скрывает персонал дорогой частной клиники, и может ли Эмили доверять самой себе?

Лиз Лоулер

Я найду тебя

Liz Lawler

I'll find you

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2020

Пролог

Эмили вглядывалась в темноту, чувствуя, как храбрость покидает ее. Ноги сделались ватными, будто она пробежала длинную дистанцию, сердце молотом стучало в груди. Она жадно втянула в себя воздух – и оцепенела. Нерешительность парализовала разум. Нужно срочно взять себя в руки и начать поиск, прежде чем вернется швейцар и застукнет ее здесь. Эмили целую неделю шпионила за ним, отслеживая и запоминая время каждого его перемещения. Вечерние действия швейцара были таковы: он вешал в комнате для персонала форменную куртку с ключами в кармане, после чего садился в машину и уезжал в один из трех соседних магазинчиков, торгующих едой навынос. Что, однако, не гарантировало, что он в любой момент не вернется и не поймает ее с поличным. Ей нужно действовать, причем очень быстро.

Эмили сжала пальцы в кулаки, пытаясь унять дрожь, и напрягла ноги, чтобы придать им силу. От следующего шага ее удерживал не страх перед поиском как таковым, а боязнь того, что она может найти.

Эмили протянула руку и, пошлепав по стене, нащупала выключатель. В следующий миг каждая квадратная лампа на потолке вспыхнула светом, и помещение наполнилось гудением электричества. Этот гул наполнил ей уши, и Эмили испугалась, что он слышен даже на улице. Прислушалась, но звуки уже прекратились, и она решила не отказываться от задуманного. Вокруг царил тишина, нарушаемая только ее собственным дыханием.

Комната – прямоугольная, без окон и очень уединенная – была похожа на банковское хранилище с сейфами, куда клиентов приводили и оставляли одних, чтобы они могли открыть ячейку и положить в нее свои самые ценные вещи. Разница заключалась лишь в размерах ячеек.

Здесь в каждой легко могло поместиться человеческое тело. Первая и последняя ячейки были еще вместительнее и использовались для хранения самых больших трупов. На одной стене Эмили насчитала двенадцать дверей – двенадцать

морозильников, рассчитанных на двенадцать тел.

Это означало, что ей придется проверить все двенадцать, не считая других, у противоположной стены. Если поторопиться, это займет всего несколько минут, а потом она вернет ключи в карман форменной куртки швейцара. Не исключено, что ей будет достаточно открыть лишь одну дверцу, чтобы найти то, что она ищет...

Небольшие кафельные плитки пола были изрядно потерты и сплошь в черных следах, оставленных бесчисленными каталками с резиновыми колесами. Эти самые каталки стояли в дальнем конце комнаты, неподалеку от гидравлического подъемника, подключенного к сети для зарядки аккумулятора. Единственный стул стоял возле унылой серой стены.

Она откроет дверцы слева направо и снизу вверх, чтобы не пропустить ни одной.

Эмили подошла к ближайшему холодильнику и взялась за ручку. Тяжелая дверь открылась почти бесшумно, и в разгоряченное лицо девушки дохнуло холодом. Труп лежал в застегнутом доверху белом мешке. Не желая вдыхать воздух смерти, застарелый запах сотен тел, которые лежали здесь раньше, Эмили задержала дыхание. Температура была установлена так, чтобы тела хранились в холоде, что, однако, не предотвращало разложения.

Когда она наконец вздохнула, то с облегчением обнаружила, что единственный запах здесь – это резкий запах химикалий, которыми стерилизовали холодильники. Дрожащими пальцами Эмили расстегнула «молнию». Ее тотчас накрыла волна облегчения: она увидела седые, редкие волосы. В мешке лежал безликий старик... или женщина со впалыми щеками. Эмили застегнула «молнию», закрыла дверцу и открыла холодильник сверху. Ее взгляду предстало лысое темя, морщины и пигментные пятна. В следующих ячейках были похожие тела – одни с седыми волосами, другие с лысинами, одно с прической афро, еще одно – с шевелюрой светлых волос, собранных сзади в хвост клочком бинта. Кто-то молодой...

Эмили секунду передохнула, пытаясь не думать о том, какое лицо соответствует тому телу. Расстегнув «молнию» на следующем мешке, она едва не блеванула и быстро прикрыла рукой рот. Голова была обуглена дочерна и в отдельных местах заляпана пятнами крови, которая запеклась, словно остывшая лава,

пробившись сквозь трещины в коже. Эмили захлопнула дверку и, отгоняя навязчивую мысль, что может вдохнуть в себя частички мертвой плоти, глотнула воздуха.

«Мертвые не могут причинить вреда», – прошептала она сквозь прижатые ко рту пальцы.

Но уже в следующее мгновение обнаружила, что могут, еще как могут! В следующем холодильнике лежала крошечная фигурка, завернутая в белую простыню. При виде ее у Эмили болезненно сжалось горло. На завернутом тельце ребенка лежал розовый плюшевый мишка. Возможно, это был подарок родителей. Увидев нечто интимное и драгоценное, она ощутила себя кем-то вроде незваного гостя.

Эмили опустилась на пол и прижалась спиной к холодному металлу. Она добровольно мучила себя в этом месте. Ей следовало сделать официальный запрос, чтобы поиск прошел в присутствии других людей; следовало потребовать, чтобы ей показали содержимое каждого холодильника. Увы, она рисковала получить отказ или увидеть в их глазах жалость, даже если б они неохотно согласились. Они подумали бы, что у нее не всё в порядке с головой, раз она просит об этом. Они считали, что пациент просто сбежал и его не было среди покойников, лежащих в этом морге.

Эмили достигла двух последних дверок и потянулась к верхней, чтобы открыть. Закаленная тем, что она уже видела, быстро расстегнула мешок – и с удивлением увидела подошвы ног. Снизу пальцы были чисто белыми, а своды стоп – темно-фиолетовыми. Это были молодые ноги, гладкие и не изношенные временем.

Они могли принадлежать как мужчине, так и женщине, хотя и были маленькими. Взявшись за дверь, Эмили встала. Ее взгляду предстали покрашенные ногти на ногах. Желудок тотчас сжался. Голубой цвет так красив, не правда ли? Он отлично оттеняет загар... Она протянула руку и кончиками пальцев коснулась этих ног. Брр, какие холодные! Эмили даже вскрикнула. Возможно, это она. На левую лодыжку надет белый браслет с личными данными, но имя скрыто от глаз. Медленно потянув браслет, она увидела напечатанное на нем имя: «Джейн Доу» [1 - Джейн Доу – условное обозначение женщины в судебных делах, зафиксировано с 1768 г. Мужчин называли Джон Доу. К 1852 году Джейн или Джоном Доу стали называть «любого человека, чье имя неизвестно».]. Так

обычно называют неопознанные тела. У Эмили перехватило дыхание. Нет, нельзя быть ни в чем уверенной, пока она не увидит лицо...

Тело лежало в холодильнике, но не так, как следовало. Чтобы увидеть лицо, придется вытащить поддон. Взявшись за его край, Эмили потянула его на себя, но он отказывался выскальзывать наружу. Она дернула сильнее, но поддон словно прирос к месту. Эмили глянула по обе его стороны, пытаясь понять, почему он застрял, но не заметила никаких видимых препятствий. Может, его просто нужно потянуть сильнее? Прижав ногу к нижней дверце, она откинулась назад и со всей силы оттолкнулась ногой, добавляя к усилию свой вес. Увы, тщетно. Поддон даже не сдвинулся с места.

Эмили в отчаянии посмотрела на мешок с телом, затем на зазор над ним, и мысленно произвела расчет. Интересно, хватит ли ей пространства, чтобы пролезть в ячейку? Та была больше остальных – посередине стены виднелось место для еще одного поддона, в котором можно было разместить второе тело. При этом ей придется на ходу расстегнуть «молнию» на мешке, чтобы, когда она доберется до конца, мешок был полностью открыт. Но тут ее охватил страх. Ячейка выглядела такой тесной, такой узкий ледяной туннель, в конце которого было абсолютно темно. Теснота не даст ей перевернуться. Придется выбираться наружу ногами вперед, ползя по непокрытому телу, и уповать на то, что не сдадут нервы.

Осторожно поставив колено на поддон, Эмили приняла новую позу – левая нога с левой стороны, правая нога – с правой.

Низко опустив голову и не опираясь на бездыханное тело, она заползла внутрь. Воздух был плотным и холодным. Он лип к ней, проникал под кожу. Стоя на четвереньках, Эмили чувствовала, как начинают дрожать ее затекшие бедра. Выгнув дугой спину, чтобы снять напряжение, она вздрогнула – потолок давил на нее, напоминая о том, сколь тесным было это крошечное пространство. Пытаясь подавить нарастающую панику, Эмили сделала вдох. Ей нужно перенести вес на колени, а самой опираться на локти. Она дрожала от напряжения из-за неудобной позы. Срочно нужно принять другую, поудобнее.

Эмили неуклюже выдвинула одно колено вперед, но, прежде чем успела передвинуть вперед другое колено, чтобы уменьшить давление, ей в кость впился край металлического поддона. Она вернула плечи в прежнее положение и выпрямила руки, чтобы вновь встать на четвереньки. И тут же поняла свою

ошибку. Теперь она стала выше, и ее спина уперлась в потолок ячейки. Как только она изменила позу, ее тело застряло в узком пространстве.

Эмили инстинктивно задергалась и замотала головой, словно застрявшая в норе бешеная собака, ударяясь о стальные стенки, хрипя от усилий, пытаясь высвободиться. Увы, ее руки и колени попали в ловушку. Невозможность сдвинуться назад или вперед заставила ее окаменеть от ужаса. Пока ее дыхательные пути не схлопнулись, она хрипло, со свистом ловила ртом воздух, а затем, ослабев от напрасных усилий, плюхнулась на лежавшее под ней тело.

Она тотчас ощутила гладкую поверхность пластикового мешка и его прохладу. Ее конечности медленно вытянулись, и она поняла, как глупо было паниковать. Места было достаточно и для нее, и для этого безжизненного тела.

Сунув под себя руку, Эмили потянулась, пытаясь нащупать «молнию» на мешке. Дрожащими пальцами она ощупывала его, но почувствовала лишь твердую массу внизу, и никакой проклятой «молнии». Ее лицо расплусилось о пластик, когда она, наполовину скрутившись, опустила плечо и, напрягая мышцы, попыталась дотянуться до нее, мысленно повторяя: «Пожалуйста, пожалуйста, просто дай мне это сделать...» Наконец металлический язычок «молнии» оказался у нее между пальцев, и она издала торжествующий вопль. Не тратя понапрасну сил, потянула «молнию» на себя. Скрип металла о пластик громким эхом прокатился по замкнутому пространству.

Добравшись до шеи трупа, Эмили остановилась, внезапно увидев пряди темных волос. Стоило ей потрогать их, как ее пальцы сделались будто ватными. Слезы затуманили глаза, но она была рада этой преграде. Водопад слез не дал бы ей разглядеть лицо, и она могла вылезти обратно, так и не узнав, та ли это, кого она искала. Эмили могла лишь надеяться на то, что она не умерла.

Сморгнув слезы, дала глазам привыкнуть к темноте. Медленно подтянув «молнию» до самого верха, увидела голову, точнее макушку, и где-то там, где было ее сердце, ощутила неподвижность. Отсутствие сердцебиения, такого, как у нее. Глаза были закрыты, губы сжаты, кожа безжизненного, молочно-серого цвета. Эмили посмотрела на лицо. И в этот миг в ней словно что-то оборвалось. Сердце сжалось. Она нашла ее.

– Проснись! – прошептала Эмили сквозь слезы. Затем, с силой толкнув бездыханное тело, крикнула: – Проснись, черт возьми! Хватит дурачиться!

Обхватив руками и ногами одеревеневшую, неподатливую плоть, она попыталась расшевелить ее, заставить двигаться.

– Ты не умерла! – кричала она. – Тебе просто холодно. Человека можно вернуть к жизни, когда он замерз. Тебе просто нужно согреться. Давай, просыпайся! Прошу тебя!

Дрожа от горя, Эмили прильнула к неподвижной фигуре, прижав свое теплое лицо к ее холодному. Слезы и сопли из носа стекали по шее тела, которое она сжимала в объятиях. Вскоре ее крики из воплей перешли в рыдание, а затем – в тихий плач. Разум медленно осознал реальность того, что произошло: ее поиски наконец завершились. Теперь она может оставаться там до тех пор, пока...

Она останется навсегда. Она не оставит ее одну в темноте. Она останется с ней до...

Холодильник загудел – свидетельство того, что он включен. Воздух внезапно стал холоднее. Пространство камеры заполнила крошечная чернота. Квадрат света, из которого она заползла в ячейку, исчез. Пока Эмили лежала там, кто-то вошел в морг. Кто-то увидел, что холодильник открыт. И кто-то закрыл дверь.

Глава 1

Услышав чьи-то крики, Эмили зашевелилась. Кто-то звал на помощь. Звал отчаянно. Кому-то было страшно.

Ее горло было сдавлено, как будто забито чем-то, и она не смогла крикнуть и успокоить несчастного, сказать, что она здесь, что она идет к нему... Эмили сглотнула застрявший в горле ком, мешавший говорить.

– Я здесь, – прохрипела она, открывая глаза и тупо глядя на белый потолок. – Я здесь, – прошептала, ощущая себя одинокой в тишине комнаты, зная, что крики,

которые она слышала, принадлежали ей самой. Эмили была дома, в своей постели, а не в ледяной могиле. Глаза и горло саднило от воспоминаний о том сне. Лицо было мокрым от слез; слез, лившихся из ее глаз, пока она спала и ей снилось, что Зои мертва. Морг был последним местом в больнице, где она искала свою сестру.

Ее исчезновение не мог объяснить никто. В одну минуту она была пациенткой, а в следующую – пропала без вести. Но когда дни превратились в неделю, когда полиция так и не смогла найти ее, Эмили поняла: у нее нет другого выбора, кроме как искать сестру там.

В своих снах она всегда находила ее. В своих снах она держала Зои в том холодильнике. Ее, а не тело Джейн Доу, которое из уважения нарочно поместили в холодильник ногами к двери, поскольку она была обезглавлена в мотоциклетной аварии.

Когда дверь холодильника открыли и нашли ее, Эмили держала голову в руках. После того как расстегнула «молнию» на мешке для тела, она не помнила ничего, кроме оторванной головы. Увидев этот ужас, тотчас вырубилась. Лишь кромешная тьма, осознание того факта, что дверь закрыта, привели ее в чувство, и она закричала, давая о себе знать...

В тот день, когда поступил звонок, Эмили уже не спала. Она бодрствовала с самого с рассвета, перекрашивая комнату, в которой находилась сейчас. Окно было открыто, радио включено на полную громкость – с их помощью Эмили пыталась избавиться от своего раздражения на Зои. Она вздрогнула, узнав голос одного из врачей, с которым работала, и сначала подумала, что он звонит по поводу какой-то рабочей проблемы. Когда же врач сказал, что звонит по поводу ее сестры, у Эмили все тотчас похолодело внутри. Она невольно представила себе автомобильную аварию со смертельным исходом.

Врач быстро успокоил Эмили, сказав, что Зои в палате наблюдения, и не нужно спешить. Ее сестра крепко спала и ничуть не страдала от большого количества выпитого алкоголя. Ей поставили капельницу с физраствором, и через несколько часов она наверняка проснется бодрой и свежей, как огурчик. Поспешив Эмили в больницу сразу после того звонка, ее жизнь теперь была бы совсем другой – или, вернее, осталась такой, какой была. Но она не поспешила. Вместо этого приняла душ, чтобы смыть краску с волос и с рук; затем позвонила родителям, чтобы сообщить им, что они с Зои не приедут к ним в воскресенье на обед. Невинная

ложь, призванная скрыть от них, что Зои попала в больницу. Эмили сказала родителям, что их обеих вызвали на работу. Увы, за то время, которое ей потребовалось, чтобы добраться до палаты, все изменилось. Зои пропала.

Эти первые несколько часов поисков не сильно сказались на Эмили. Сворачивая за каждый угол, она ожидала увидеть свою сестру, стоящую там со слезами на глазах и жалеющую себя. Медсестры в палате не стали поднимать переполох: пациенты, особенно поступившие в состоянии алкогольного опьянения, часто скрывались, даже не подписав бланк отказа от госпитализации. Это избавляло от стыда – ведь в противном случае им приходилось выслушивать обязательную, хорошо отрепетированную речь об опасностях алкоголя и предложение перед выпиской вступить в общество борьбы с алкоголизмом. Извинившись от имени сестры, Эмили направилась прямо в квартиру Зои, ожидая найти ее там. Когда же соседка, Джо, открыла дверь и сказала, что Зои отвезли в отделение экстренной медицинской помощи, Эмили попросила ее собрать других соседок.

Пятеро других студенток медленно вышли из своих спален, словно ходячие мертвецы. Глаза черные от засохшей туши, на лицах размазанная косметика, волосы всклокочены, сами они – в майках и пижамных шортах. Ни дать ни взять девицы на подтанцовках из джексоновского видеоклипа «Триллер» [2 - Речь идет о клипе к песне Майкла Джексона «Thriller», снятом в стилистике фильма ужасов.]. Все они накануне вечером были в одной компании с Зои. Ни одна из них не поехала с подругой в больницу, поскольку они тоже были пьяны и им не разрешили сесть в машину «Скорой помощи».

По требованию Эмили каждая проверила свой мобильник на наличие текстовых сообщений, пропущенных звонков и уведомлений в социальных сетях, и все ответили одинаково: «Я ничего от нее не получала». По их мнению, она скорее всего пошла завтракать в «Макдоналдс». Вернее, они надеялись, что это так, – ведь в этом случае они могли послать ей эсэмэску и попросить ее принести им еды. «Возможно, она где-то залегла», – предположила Джо.

Это предположение первоначально показалось Эмили наиболее вероятным, пока она не прокрутила в уме их разговор накануне вечером. Зои позвонила почти в десять часов; язык у нее уже заплетался. «Эй, сестренка, я тут совсем облажалась, провалила все экзамены... Не хочешь подвалить ко мне на вечеринку?» Эмили минут десять убеждала младшую сестру, что это не конец света и что она может пересдать экзамены.

– А перерасход студенческого пособия? Я по уши в долгах!

И вновь Эмили заверила ее, что они найдут способ решить проблему. Но на вечеринку к ним она не пошла – не хотела никуда идти, тем более пить с группой студенток на десять лет моложе ее самой, да еще и оплачивать их напитки, потому что ни у кого из них не было денег. Вместо этого она попыталась приободрить сестру, говоря, что завтра ее проблемы будут выглядеть совсем иначе.

Именно последняя часть их разговора заставила ее подумать, что Зои объявится сама, – та часть, где она, потеряв терпение, заявила, что ей пора взрослеть и ради разнообразия подумать о других. На ее дальнейшие звонки Эмили отвечать отказалась. Ее телефон регулярно вибрировал под подушкой в течение всей ночи.

Неудивительно, что она повела себя так на следующий день. Ею владел чистый гнев. Зои ее достала.

На второй день после исчезновения сестры Эмили вернулась в больницу и позвонила в полицию. Вскоре прибыл полицейский, взял показания и описание внешности. В кадрах камер видеонаблюдения было видно, как Зои, надев поверх больничного халата длинный темный кардиган, идет босиком, держа туфли на высоких каблуках в одной руке и пластиковый пакет в другой. Полиция смогла проследить ее передвижения, пока она шла к одному из боковых входов. Этой дорогой обычно пользовались для доставки в больницу грузов, далее девушка выходила на главную дорогу. Здесь Зои видели в последний раз.

Хотя камеры видеонаблюдения показали, что она ушла из больницы, Эмили обыскала кровать каждой пациентки, прежде чем убедилась, что ее сестры нет ни в одной из них. Вдруг Зои вернули? Вдруг она рухнула без сознания или ее сбила машина, и сестра не в состоянии сказать, кто она такая... Лишь спустя три дня после того, как Зои исчезла, ее официально объявили пропавшей без вести, а дело поручили детективу-инспектору Джеральдин Саттон. Впечатляющее звание – вот что вселило в Эмили неподдельный страх. То, что розыски ее сестры поручены кому-то столь высокопоставленному, означало одно: полиция отнеслась к исчезновению Зои со всей серьезностью.

Стоило ей начать думать о похищении и даже смерти, как ее охватила параноидальная мысль: сестра умерла в больнице из-за человеческой ошибки, и вся эта история – лишь прикрытие...

Эмили зажмурилась. Сейчас ей нельзя думать о Зои. Нужно сосредоточиться на предстоящем дне. На том, что ей нельзя есть и пить, начиная с полуночи прошлого вечера, что нужно не забыть сумку с личными вещами, направление, зарядное устройство для мобильного и книгу для чтения. Сегодня, по крайней мере, ее разум будет свободен от Зои, пусть даже пока она будет под наркозом во время небольшой операции. Зои пропала. Она не мертва. И хотя полиция, похоже, потеряла всякую надежду найти ее живой, Эмили надежды не теряла. Не то чтобы полиция разделяла ее оптимизм. Во всяком случае, пока. Эмили должна цепляться за это и, если необходимо, напоминать им, чтобы они продолжали поиски.

Она в долгу перед Зои за свой поступок. Увы, содеянного не изменишь...

Глава 2

Частная больница открылась два года назад недалеко от Виндзорского моста. Из ее окон пациентам открывался вид на реку Эйвон. В городе, знаменитом своей георгианской архитектурой, проект здания прошел все мыслимые архитектурные комиссии и согласования, несмотря на свои смелые, современные поверхности из сверкающей стали и черного стекла. Четырехэтажная клиника оказывала как стационарную, так и амбулаторную помощь. Здесь имелось восемьдесят кабинетов и палат для пациентов, оборудованный по последнему слову техники диагностический и терапевтический комплекс, четыре операционных и психиатрическое отделение, от которого Эмили предпочитала держаться подальше.

Год назад она едва не оказалась там. Лишь признав свой поступок «неразумным», Эмили убедила всех, что они имеют дело не с сумасшедшей, а с той, что отчаянно пыталась обыскать морг самостоятельно. В конце концов, поскольку никто от этого не пострадал – за исключением шокированного швейцара, который обнаружил ее и получил выговор за то, что по его вине она пробралась в морг, – никаких обвинений со стороны полиции не последовало.

Возможно, они посмотрели бы на вещи иначе, узнав, что Эмили в течение недели шпионила за швейцаром, чтобы точно знать, когда его там не будет и она сможет провести там свои поиски.

Осмотревший ее психиатр выписал направление к врачу общей практики и рекомендовал пройти курс психотерапии. С учетом обстоятельств, стресс, горе и депрессия служили вполне приемлемым оправданием ее действий. В то время лицо и имя Зои часто мелькали в национальных новостях, и когда полицейский допрашивал Эмили о причинах ее поступка, та видела в его глазах жалость. Тем не менее страх оказаться запертой в психушке до сих пор преследовал ее. Скажи она тогда что-то не то или отреагируй не так – и всё, прощай, свобода!

Эмили перевела взгляд на вход в больничное здание. Как же непривычно входить в него пациенткой, а не медсестрой! Она начала работать там всего три недели назад, и ощущение новизны еще не оставило ее. И хотя в новых стенах Эмили чувствовала себя не очень уютно, она утешала себя тем, что теперь знает большинство сотрудников по имени или в лицо, знает, что спрятано за запертыми дверями и шкафами и куда ей нужно идти. Эмили зашагала к лифту – сейчас он перенесет ее в хирургическое отделение. Туда, где она работала пять дней в неделю. Но только не сегодня.

За то короткое время, что Эмили работала здесь, она выучила обычные требования для хирургических пациентов. Ничего не есть до операции, затем операция, послеоперационные обследования и выписка. Эмили не пренебрегала просьбами таких пациентов; после операции все, что угодно, может пойти не так: разойтись шов, начаться внезапное кровотечение, произойти анафилактические реакции на анестетики или переливание крови. Знание того, что делать в таких случаях, было частью послеоперационного ухода. Эмили волновалась: вдруг у медсестер, которые будут ухаживать за ней, не окажется такого опыта, как у нее? И чем выше поднимался лифт, тем сильнее нарастало в ней беспокойство.

Скрытым врагом было слабое, медленное кровотечение, коварное в своей незаметности. Тело почти не ощущало его, пока не становилось слишком поздно. Для выявления ранних признаков ухудшения состояния («ранние признаки» – это врачебный термин, она же предпочитала употреблять слово «враг») требовался немалый опыт ухода за больными. Именно для предотвращения таких случаев в больницах была введена система показателей раннего распознавания.

Эмили по опыту знала: эта система эффективна только в том случае, если он подкреплён прочными клиническими знаниями – ведь то, что «нормально» для одного пациента, может оказаться фатальным для другого. У обычного человека частота пульса в состоянии покоя составляет от 60 до 100 ударов в минуту, в то время как у спортсмена она может быть ниже 40. Эмили отлично помнила бледное лицо молодого жокея, доставленного в отделение экстренной медицинской помощи; да и как забудешь такое! При поступлении она определила его состояние как средней тяжести, прежде чем передать его в руки назначенной медсестре. Эмили видела страх в его глазах. Парень знал, что с ним что-то не так. Молоденькая сестра, ухаживавшая за ним, в силу недостатка опыта позвала реаниматоров слишком поздно. Тыча пальцем в монитор, она повторяла, что его пульс в норме, хоть он уже умирал. Эта смерть от внутреннего кровотечения стала для нее жестоким уроком о том, что сначала надо смотреть на пациента, и лишь потом – на бездушные машины. Поступи она так, заметила бы бледность кожных покровов и синюшные губы, говорившие, что с ним что-то происходит. Может, ей удастся поговорить с медсестрами, которые будут ухаживать за ней, проверить их знания, напомнить им, на что обратить внимание...

Двери лифта распахнулись, и Эмили, глубоко вздохнув, шагнула на нужный ей этаж. Медсестра приемного отделения одарила ее недоброжелательным взглядом. Эмили едва устояла перед искушением показать ей язык. Она привыкла к таким взглядам; люди таращились в смутно знакомое лицо, пытаясь понять, откуда они ее знали. Эту сотрудницу Эмили видела впервые. Светлые кудри на голове; тонны туши на ресницах, из-под которых смотрели большие голубые глаза. Бледно-розовая помада придавала ее губам изгиб, похожий на лук Купидона, отчего медсестра напомнила Эмили куколку с нарисованными ресницами и губами. Темно-бордовые брюки и блуза плотно облегли бедра и бюст, крепко удерживая в нагрудном кармане две ручки и выгодно подчеркивая фигуру. Женщина нахмурилась, затем неуверенно улыбнулась:

– Извините, я могла вас где-то видеть?

Эмили решила, что лучше не говорить ей, что плакаты с лицом, очень похожим на ее собственное – с лицом Зои, – были расклеены по всему городу. А какое-то время и ее собственное лицо красовалось на первых страницах газет по всей стране и в выпусках теленовостей.

– Я работаю здесь.

Женщина покачала головой:

– Я здесь новенькая. Вряд ли мы встречались, но я все равно откуда-то знаю ваше лицо...

– Эмили Джейкобс.

Лицо женщины на миг застыло, но затем она поспешила надеть на него вежливую маску. Казалось, она была готова дать стрекача. Эмили решила немного отыгаться.

– Всё в порядке. Я привыкла. Такое случается сплошь и рядом. Только, пожалуйста, не называйте меня Зои.

Женщина покачала головой:

– Разумеется. Давайте начнем снова. Меня зовут Шелли. Я медсестра.

Эмили с трудом сдержала язвительную улыбку. Она только что сказала ей, что работает здесь. И сразу поняла по цвету ее униформы, кто такая эта Шелли.

– Вы сказали, что работаете здесь? Вы палатная медсестра? Или из регистратуры? Или помогаете в столовой?

Эмили ощутила собственное превосходство. Женщина явно была здесь новенькой. Эмили же, как профессионал, тотчас определила ее роль. Многим пациентам приходилось объяснять, что старшие сестры отделений носят темно-синюю форму, палатные – голубую, а те, что занимались приемом больных, – бордовую.

– Палатная медсестра.

Шелли широко улыбнулась:

– Прекрасно. Значит, вы в курсе здешних порядков. Я покажу вам вашу палату и помогу устроиться. Выдам вам браслет с именем и так далее. Возьму у вас мочу на анализ. Вам наверняка непривычно ощущать себя в роли пациентки?

Эмили кивнула; напряжение постепенно спадало. По крайней мере, Шелли понимала, как она себя чувствует. И потом, хорошо, что лицо Зои знакомо людям. Это значит, что она все еще остается в их сознании, что ее не забыли.

Пытаясь завязать тесемки дурацкой больничной рубашки – и кто только придумал этот фасон? – Эмили надеялась, что ее достоинство не пострадало.

Под больничной рубахой она была голая. Чистая, только что из-под душа – никакой косметики, духов или дезодоранта, – стояла перед узким зеркалом. Короткие черные волосы убраны за уши, отчего на лице хорошо видна печать прошлогодней травмы. Фиолетовые полукружья под голубыми глазами так и не прошли. Хорошо она спала или нет, это не имело никакого значения; скрыть их мог только тональный крем.

Само лицо осунулось, отчего глаза казались больше, придавая ей еще большее сходство с Зои. Она была на десять лет старше сестры, но сейчас ее вполне можно принять за нее. Эмили подумала, что с выпирающими ключицами и тощими руками она стала похожа на подростка. Еще недавно мать сказала, что она совсем как та несчастная из «Отверженных», которой обрезают волосы и вырвали зубы. Эмили посмотрела на кровь, которую сплюнула в раковину. Розовые пенистые брызги не могли не тревожить – она на глазах превращалась в развалину. В двадцать девять лет у нее постоянно болел живот, мучили головные боли и бессонница.

Осмотрев Эмили, лечащий врач велел ей меньше волноваться, объяснив, что это симптомы тревожного состояния. Всего год назад она была здоровой молодой женщиной. В прошлом месяце ее психотерапевт настоятельно советовал ей перейти на неполный график или же взять обязанности полегче, полагая, что, работая полный рабочий день, она изматывает себя. Но, поскольку конца ее «изматыванию себя» не было видно, она знала, что для нее лучше, когда ум не занят – по крайней мере, некоторое время – заботой о других. «Обязанности полегче» ей не помогут. Она должна постоянно быть занята.

Именно поэтому Эмили пошла работать в отделение хирургической госпитализации в новой частной клинике – в надежде, что это поможет ее профессиональному росту, состоящему также в том, чтобы соответствовать высоким ожиданиям и требованиям платных пациентов. Имея лишь опыт работы в системе Национальной службы здравоохранения [3 - Национальная служба здравоохранения, или НСЗ – государственное учреждение в Великобритании, обеспечивающее всем жителям страны бесплатную медицинскую помощь; финансируется за счет общих налоговых поступлений.], она обнаружила, что частная клиника скорее похожа на пятизвездочный отель. Палаты с ванными комнатами, роскошные туалетные принадлежности, пушистые белые полотенца, телеканал «Скай», газеты и ежедневный визит шеф-повара, принимавшего индивидуальные заказы. Каждое требование пациентов неукоснительно выполнялось.

Эмили жутко скучала по отделению экстренной медицинской помощи. Ей не доставало волнения, какое она ощущала всякий раз, когда красный телефон начинал трезвонить; не доставало тех секунд напряженного ожидания, прежде чем двери резко распахивались и санитары едва ли не бегом вкатывали внутрь каталку с очередным пациентом, пребывающим на грани жизни и смерти...

Ей никогда не работать там снова. Никаких возвращений домой после смены в обычную, нормальную жизнь. Это место хранило слишком много воспоминаний.

Собрав туалетные принадлежности и придерживая на спине полы больничной рубахи, Эмили вернулась к своей кровати.

Глава 3

В палате стояли две кровати, причем вторая была уже занята. Все остальные палаты в частной клинике были одноместными, за что, собственно, и платили ее пациенты. Палата № 31 не имела номера, но за неимением лучшего ее называли тридцать первой. Некоторые называли ее «боковой комнатой». В палату с двумя кроватями в основном помещали пациентов с государственной страховкой – тех, кому предстояла плановая операция, оплачиваемая по полису НСЗ.

Девушка лет девятнадцати-двадцати лежала на боку, свернувшись калачиком на одной из кроватей. Миниатюрная, в джинсах восьмого размера [4 - Соответствует размеру S, или российскому 42-му.], если не меньше. Судя по тому, сколько места она занимала на кровати, роста в ней было не больше пяти футов [5 - Примерно 1,5 м.]. Волосы темные, без блеска; кожа бледная, хотя и оливково-смуглая. Правое запястье обвивал тонкий серебряный браслет; довольно широкий, чтобы в него можно было свободно просунуть руку, как если б ребенок надел браслет своей матери.

На ногах у девушки были поношенные кожаные шлепанцы. Даже для ее хрупкой фигурки желтая футболка была слишком тесной и короткой, едва прикрывая живот – или девушка надела ее нарочно, чтобы показать плоский животик? Эмили молча убрала свои вещи и услышала шорох движения. Молодая женщина или девушка, как подумала Эмили, не спала.

Эмили улыбнулась соседке, но ответом ей стал тревожный взгляд. Она улыбнулась снова и поздоровалась. Карие глаза девушки смотрели настороженно и были полны страха. Эмили подумала, что, возможно, ее соседка не говорит по-английски или ей мешает говорить боль. Она указала на девушку, затем на себя и, изображая человека, страдающего от боли, схватилась за живот. Девушка лишь покачала головой.

На прикроватной тумбочке лежали больничная рубаша и шапочка. Эмили открыла было рот, чтобы предложить помочь ей переодеться, но здравый смысл возобладал. Соседка по палате не знала, что она медсестра, и наверняка сочла бы странным, попытайся Эмили раздеть ее. Или даже приняла бы это за нападение.

– Вы говорите по-английски?

Девушка, похоже, испугалась еще больше и отодвинулась к краю кровати. Эмили в миролюбивом жесте подняла руки.

– Всё в порядке. – Она указала на свою больничную рубашу. – Я тоже иду на операцию. – Кивнула на одежду на прикроватной тумбочке. – Тебе нужно переодеться. – Дотронулась до запястья соседки и указала на серебряный браслет. – А вот его придется снять. – Девушка мгновенно закрыла браслет другой рукой, как будто испугалась, что его у нее отнимут.

У нее явно ничего не болело – она проворно вскочила с кровати и, схватив с тумбочки одежду, поспешила из палаты. Надеюсь, что соседка еще вернется, Эмили села на кровать и стала ждать.

Ее беспокоила процедура, которую ей предстояло пройти. А еще она испытывала неловкость из-за того, что, едва начав работать в больнице, была вынуждена взять отгул. Четыре недели назад Эмили нащупала в левой груди уплотнение. Она никак не ожидала, что так быстро попадет в больницу. УЗИ и биопсия были сделаны быстро, в течение двух последующих недель.

Эмили удивилась, получив результаты в тот же день, хотя ей и пришлось провести мучительные четыре часа в маммологическом центре. Медсестра в регистратуре, явно куда-то спешившая, озвучила результаты, даже не поднимая головы: «по всей видимости, доброкачественное» изменение тканей, но вследствие «небольшой степени неопределенности» уплотнение было рекомендовано удалить.

Получив подтверждение на операцию, Эмили была рада, что та будет проведена именно здесь. По крайней мере, это докажет, что она не отлынивает от работы.

В палату, толкая тележку и придерживая белый пластиковый поднос на ней, вошла медсестра. Она была старшей сестрой, о чем свидетельствовали темно-синие брюки и темно-синяя блуза, а не голубая, которую носили палатные медсестры. Эмили еще не была с ней официально знакома. Когда она проходила собеседование, эта женщина была в ежегодном отпуске, и с тех пор они виделись лишь мимоходом.

– Вы Нина, не так ли? Мы еще не работали вместе, но я видела вас в коридоре. – Нина сурово посмотрела на нее, и Эмили почувствовала, что краснеет. – Извините, я хотела сказать, сестра Бэрроуз.

Сестра Бэрроуз подошла к краю кровати и взяла в руки медицинскую карту Эмили. Нахмутив брови, пробежала ее глазами, а затем спросила:

– Кто поместил вас в эту палату, мисс Джейкобс?

Эмили пожала плечами:

– Шелли. Медсестра из приемного покоя.

Нина Бэрроуз нахмурилась еще сильнее:

– Она поступила неправильно. – Затем, похоже, осознав свой резкий тон, заговорила чуть мягче: – Извините, я не знала, что вы здесь. Вас следовало поместить в палату номер двадцать девять.

Палата № 29 была одноместной, и Эмили была благодарна, что ее сочли достойной отдельной комнаты. Оставалось надеяться, что у Шелли не возникло проблем из-за того, что она поместила ее не в ту палату.

– Здесь так уютно...

Нина подняла палец.

– Одну минуту. Хочу убедиться, что наша новая сотрудница не положила других пациентов не на те кровати.

Когда сестра Бэрроуз вернулась, Эмили с радостью отметила, что на этот раз эта суровая особа была не такой сердитой. Скорее даже заботливой: быстро произвела ряд процедур и помогла Эмили надеть очень плотные, внешне непривлекательные, белые операционные чулки.

– Как вы устроились?

– Вы имеете в виду, как пациентка или как медсестра?

– Как медсестра. Вам не кажется, что здесь все гораздо спокойнее?

Судя по ее вопросу, сестра Бэрроуз подумала, что Эмили пришла сюда прямо из отделения экстренной медицинской помощи, без всякого перерыва в карьере. Ей очень хотелось на это надеяться – и на то, что ее новые коллеги не в курсе, что на самом деле у нее имелся перерыв длиной в целый год. В своем заявлении Эмили вполне правдиво указала дату увольнения со своей последней работы шесть месяцев назад. Таково было ее собственное решение: уйти, получив полную оплату за шесть месяцев. У нее не было ни малейшего желания

перебиваться еще полгода на полставки, зная, что она уже больше не вернется. На собеседовании Эмили не спросили, откуда в ее работе такой перерыв, хотя она и была готова сказать, что ухаживала за своими больными родителями; впрочем, это было недалеко от истины.

– Да, здесь другой темп, но не менее интересно.

Сестра Бэрроуз пристально посмотрела на нее:

– Я выдержала в неотложке лишь год. Если честно, не могла смотреть на людские страдания. – Она подошла к раковине, вымыла руки, насухо вытерла их и вновь протерла пропитанной спиртом салфеткой. – В комнате для персонала можете звать меня Ниной, но в палате я – сестра Бэрроуз. Думаю, так лучше для рабочих отношений.

Эмили нахмурилась. Нина – вернее, сестра Бэрроуз – показалась ей немного занудной. Когда она повернулась к ней спиной, Эмили даже обрадовалась. В ее старой больнице все называли друга друга по имени, даже когда обращались к врачу – правда, не в присутствии пациентов. Так было лучше для рабочих отношений. Она подозревала, что сестра Бэрроуз училась на медсестру еще в те дни, когда сотрудницы, выходя из отделения, поверх формы надевали вычурные шляпки и накидки, а врачей именовали исключительно «доктор».

Каштановые волосы Нины, явно крашенные, были собраны на затылке в узел; вероятно, так она ходила последние сорок лет. Из-за строгих черт было невозможно представить ее лицо молодым. Спина напряженная и прямая, как доска. Интересно, позволяет ли она себе когда-нибудь расслабиться, ест ли нездоровую пищу или валяется на диване перед телевизором? Эмили почему-то представила себе неудобные кресла с высокими спинками, кружевными подлокотниками и чайный поднос с чашкой, блюдцем и ситечком для чая. Ей очень хотелось надеяться, что они поладят.

– Сестра Бэрроуз, спасибо вам за вашу заботу; мне, право, неловко, что я, не успев начать работу, взяла больничный, – сказала Эмили, подумав про себя: «Надеюсь, я не слишком подлизываюсь?» Она презирала себя за этот откровенный подхалимаж, делавший ее слабой в глазах старшей сестры.

К счастью, лесть победила. Бэрроуз даже улыбнулась:

– Вам не за что извиняться. Вашей вины в этом нет. Мистер Дэллоуэй прооперирует вас, и вы даже не заметите, как вернетесь на работу. Вы в очень надежных руках.

Эти слова явно были призваны подбодрить ее. Впрочем, Эмили с трудом представляла себе, чтобы эта женщина когда-либо демонстрировала кому бы то ни было настоящую теплоту и сочувствие. Но ей было приятно, что она в руках мистера Дэллоуэя. Этот хирург работал как в Национальной службе здравоохранения, так и здесь, в частной больнице. Она несколько раз видела его в отделении неотложной помощи, хотя и ни разу не разговаривала. Высокий и худой, с гладко зачесанными назад светлыми волосами с проседью, он имел царственный, замкнутый вид, что отбивало всякое желание вступать с ним в беседу. Высокая репутация хирурга ставила его на место где-то там, наверху, наравне с богами. Когда Эмили впервые встретила его десять лет назад, еще только учась на медсестру, его называли «вымирающей породой», старомодным хирургом общего профиля, который мог удалить все – от рака молочной железы до кровоточащей аневризмы аорты. Эмили знала: ей повезло попасть в его руки. Ее будет оперировать начальник, главврач клиники, а не кто-то из его подчиненных.

– Ну, всё, мне пора. Скоро к вам придет анестезиолог. Затем мы вернемся, чтобы забрать вас в операционную. Вам нечего бояться, не так ли? Это просто небольшая процедура.

Эмили кивнула, и Бэрроуз ушла. Было понятно, что та имела в виду. Страх перед раком молочной железы. По правде говоря, Эмили почти не думала об этом уплотнении, за исключением того, что обнаружила его в неподходящее время. Ее новая работа только что подарила ей надежду на будущее, на которое она в прошлом году и не надеялась. У нее вновь появилась цель в жизни. Что-то такое, за что можно держаться.

Она забыла почти всех своих старых друзей, не имея для них времени. В прошлом году ни с кем не встречалась, да и не прикладывала к этому усилий. Все ее время занимали поиски сестры. Иногда Эмили даже посещала мысль, не потому ли она вернулась на работу, что подсознательно потеряла надежду ее найти. Ставя перед собой препятствия, она лишь стремилась чем-то занять себя, чтобы не думать о том, что Зои никогда не найдут.

В открытую дверь постучали. Эмили подняла голову с подушки. Стоящая в дверях женщина была в синей форме; светлые, явно выгоревшие на солнце волосы собраны в свободный хвост. Загорелые руки и лицо наводили на мысль, что она провела отпуск в теплых странах.

– Я искала вас повсюду. Сестра Рэтчед сказала, что вы в двадцать девятой палате.

– Сестра Рэтчед? – переспросила Эмили.

– Вы либо слишком молоды, либо не смотрите фильмы. Там, откуда я родом, мы называем старших сестер, вроде сестры Бэрроуз, «сестра Рэтчед». Как в фильме «Пролетая над гнездом кукушки», помните?

Эмили не видела этот фильм, но слышала о нем.

– Итак, вы американка? – Она улыбнулась.

Анестезиолог покачала головой:

– Нет, замужем за американцем, и, прожив там пятнадцать лет, решила перенять акцент. Мне так больше нравится.

Эмили она сразу понравилась. Хотелось надеяться, что, несмотря на этот маленький каприз, она знает свою работу.

– Итак, приступим к делу, Эмили Джейкобс. Здесь говорится, что вам никогда не давали наркоз. Это так?

Эмили кивнула.

– Кровь и прочие анализы в норме. Ничем серьезным вы не болели, у вас нет аллергии, и в последний раз вы ели и пили вчера вечером, верно? А теперь просто сделайте шаг вперед и позвольте мне послушать ваши легкие.

Сняв с шеи стетоскоп, она энергично протерла металлический диск и приставила его под правое плечо Эмили.

– Дышим полной грудью, вдох, выдох, вдох, выдох... – С каждым вдохом анестезиолог перемещала стетоскоп по спине Эмили то вправо, то влево, то вверх, то вниз. Затем села на кровать.

– Все хорошо. Так что нам нужно лишь пройтись по контрольным вопросам и проверить ваш браслет. – Эмили подняла руку, давая возможность сверить информацию на нем с той, что была указана в документах. – И можно в операционную.

– Пятнадцать лет замужем? Я бы вам столько не дала.

– Мне сорок, – сказала анестезиолог, затем поднесла к губам палец и прошептала: – Я только что сказала «сорок»?

Эмили улыбнулась.

– Если скажете кому-нибудь, я вас убью.

Эмили рассмеялась:

– Не опасно ли говорить такое тому, кого вы собираетесь обезболить?

Странная дама-анестезиолог встала:

– Согласна. Зато эффективно.

– Вы вернулись навсегда? – спросила Эмили. Она очень на это надеялась. Это было первое по-настоящему дружелюбное лицо, которое встретилось ей здесь, и она с нетерпением ждала возможности поработать с ней.

По красивому лицу пробежала печальная тень.

– Нет. К больному родственнику. Сумела найти временную работу, пока я здесь. Так, по крайней мере, я могу хоть как-то поддержать семью.

Эмили пожалела о своей бестактности. Анестезиолог собралась уйти, но Эмили остановила ее:

– Как вас зовут?

Положив одну руку на грудь и театрально помахав другой, та отвесила игривый поклон:

– Можете называть меня Мередит.

Глава 4

Послышался пронзительный писк, затем щелчок и треск.

Это был звук работающего дефибриллятора – прибор то заряжался, то давал разряд электрического тока. Испуганно открыв глаза, Эмили увидела занавески, задернутые вокруг ее кровати. В другой части комнаты был включен свет, и она смогла разглядеть темный движущийся силуэт. У постели ее соседки кто-то стоял. Издавая высокий писк, дефибриллятор начал заряжаться снова и, достигнув крещендо, вновь выпустил разряд. Эмили задержала дыхание. С бедной молодой женщиной явно что-то не так. Ее пытались привести в чувство уже дважды, что не сулило ничего хорошего. Осторожно, чтобы не задеть грудь, Эмили подвинулась на кровати и, протянув руку, слегка отвела занавеску в сторону, чтобы посмотреть, что происходит.

Кто-то в хирургическом костюме выполнял закрытый массаж сердца.

Эмили поняла это по прямым рукам и нисходящим движениям плеч человека. Экран кардиомонитора смотрел в ее сторону. Прибор был явно переведен в беззвучный режим, иначе бы он пищал как ненормальный. Эмили были видны беспорядочные пики, мчащиеся по экрану. Ее взгляд скользнул ниже, на кровать, но лицо соседки было скрыто спиной стоявшего рядом с ней человека. Одна тонкая рука безвольно свисала с края кровати. Эмили было видно, как при каждом очередном нажатии эта маленькая рука слегка дергалась.

Внезапно кто-то дотронулся до ее плеча. От неожиданности она вздрогнула. Повязка на груди тотчас натянулась, и Эмили поморщилась от боли.

– Черт, этак можно до инфаркта довести...

В полумраке кто-то рядом с ней светил фонариком прямо ей в лицо.

– Тсс, – услышала она.

Луч фонарика скользнул в сторону. Эмили заморгала и увидела, как он остановился на ее канюле. В следующее мгновение к ней присоединили иглу и ввели жидкость.

– Эй, мне не нужны обезболивающие, – возразила она.

Хотела сказать что-то еще, но внезапно почувствовала себя невесомой. Язык перестал слушаться. Челюсть отвисла, неспособные сфокусироваться глаза закрылись, и она стремительно погрузилась в темноту.

Ее разбудил звон посуды. Чуть приподняв свинцовые веки, Эмили увидела на прикроватной тумбочке чашку с блюдцем. Увы, стоило ей оторвать от подушки голову, как к горлу подкатила тошнота, а в желудке как будто закачались качели.

Возле монитора рядом с ней стояла Шелли. Эмили почувствовала, как руку ей сжимает, надуваясь, манжета манометра.

Мгновение спустя машина пропищала показания, и Эмили увидела, что ее кровяное давление слегка низковато. Впрочем, ничего удивительного. Это нормально, учитывая, что накануне ей сделали операцию и анестезию.

– На тумбочке чай. Как вы себя чувствуете? – спросила Шелли.

Сегодня утром ее лицо выглядело усталым, как будто у нее не было времени накраситься. Эмили ей даже посочувствовала. Сменная работа – заклятый враг вашего сна, и раннее начало рабочего дня также ничуть ему не способствует.

– Болит голова и тошнит. Может, принять пару таблеток парацетамола?

Шелли кивнула:

– Я скажу сестре Бэрроуз. Она как раз дает лекарства пациентке в соседней палате.

Эмили обвела взглядом палату, отметив про себя, что занавески на ее кровати отдернуты, а вторая кровать пуста и аккуратно застелена свежим бельем в ожидании следующей пациентки.

– Что случилось с женщиной рядом со мной? – спросила она.

Шелли посмотрела на пустую кровать; ее лицо ничего не выражало.

– Наверное, перевели ночью в другую палату.

У Эмили словно гора с плеч свалилась. По крайней мере, девушку спасли. Она очень надеялась, что ей уже лучше.

– Хорошо. – Ее мочевой пузырь был полон. Она встала с кровати. – Мне нужно в туалет. Спасибо за чай.

Когда Эмили вернулась, на тумбочке лежали две таблетки парацетамола. Она проглотила их, запив стаканом воды, а затем отпила чаю. Принимать душ и одеваться было слишком рано. Сейчас семь тридцать утра. До выписки ей ждать еще несколько часов. Она снова ляжет в постель и попытается уснуть, чтобы проснуться без головной боли. Вероятно, виноват препарат, который ей ввели ночью. С их стороны было довольно некрасиво вводить ей что-то без ее разрешения. Лично она никогда бы так не поступила, если только пациент не был без сознания. Даже когда он кричал от боли, Эмили всегда объясняла, что она дала ему и почему. Она проследит, чтобы такое не повторялось, когда у нее будет дежурство. Она не намерена потворствовать таким вещам.

Руперт Дэллоуэй постарел с тех пор, когда она видела его в последний раз.

Его светлые волосы были сильнее тронуты сединой, нежели она помнила. Он выглядел усталым, а его широкие плечи слегка сутулились под белым больничным халатом, накинутым поверх синей операционной формы. На ногах у него были темно-синие кожаные сабо. Сестра Бэрроуз, словно в знак уважения, стояла на шаг позади.

– Доброе утро, мисс Джейкобс. Все прошло замечательно. Мы вырезали четырехсантиметровый комок. Классическая фиброаденома; нет причин беспокоиться. Подкожные швы рассосутся сами. Повязка водонепроницаемая; главное, чтобы она оставалась на месте, пока мы не увидим вас в клинике с результатами гистологии. Вы можете испытывать легкие болевые ощущения и иметь небольшие кровоподтеки. Не считая этого, вас можно выписывать.

Его резюме было дежурным, но по делу. Он еще осмотрит ее.

Эмили вежливо улыбнулась:

– Спасибо, мистер Дэллоуэй. Надеюсь на следующей неделе вернуться на работу.

Он коротко кивнул:

– Да, я уверен, что так и будет. Вам нужен больничный лист?

– Мисс Джейкобс работает на нас, мистер Дэллоуэй, – сказала сестра Бэрроуз. – Она пришла к нам несколько недель назад. Мисс Джейкобс – опытная медсестра экстренной помощи. Насколько мне известно, она была на хорошем счету в своем отделении. Операционная медсестра, я права?

Такая похвала стала для Эмили полной неожиданностью. Неужели она и впрямь понравилась сестре Бэрроуз?

– Да, это так.

Руперт Дэллоуэй поднял голову. Его взгляд был устремлен в пространство, пока не упал на Эмили. Он тотчас изменился в лице. Глаза полезли на лоб, брови поползли вверх, рот слегка приоткрылся.

– Как же нам повезло иметь такого специалиста! Добро пожаловать в команду, сестра Джейкобс, – торопливо добавил он, словно пытаясь сменить тему.

– Теперь я палатная сестра, – уточнила Эмили, решив, что растерянность Дэллоуэя объясняется тем, что ее лицо показалось ему знакомым.

– Это лишь должность, моя дорогая, – любезно произнес тот. – В любом случае добро пожаловать на борт. Увидимся, когда вы вернетесь к работе. Есть вопросы, прежде чем мы уйдем?

Эмили покачала головой.

– Есть, но не относительно меня самой. Я просто хотела спросить, как там молодая женщина, моя соседка по палате? Я знаю, что ночью ей делали дефибрилляцию.

Дэллоуэй, нахмутив брови, уставился на пустую кровать, Бэрроуз тоже выглядела озадаченной.

– Какая женщина? – наконец спросил он.

– Та, которая была здесь вчера утром, – сказала Эмили громче, чем хотела. – Та, кого реанимировали этой ночью.

Губы Бэрроуз приняли форму чернослива. «Интересно, она всегда такая смурная?» – подумала Эмили.

– Вы были единственной пациенткой в этой палате с момента вашего поступления, мисс Джейкобс.

Эмили растерянno уставилась на нее.

– Как? Она была здесь, на соседней кровати. Молодая, невысокая, темноволосая... Я разговаривала с ней...

– Вам нужно успокоиться, мисс Джейкобс.

– Я спокойна. Но меня смущает то, что вы говорите. Здесь, в палате, была другая женщина!

Дэллоуэй шагнул ближе к кровати. Его рука потянулась к ее плечу.

– Думаю, вам это приснилось, моя дорогая, – сказал он. – Кстати, к вам уже приходил анестезиолог?

– Нет. Со вчерашнего дня. Не было такой необходимости.

Бэрроуз шагнула вперед:

– Вы не возражаете, если мы выйдем в коридор и поговорим?

Эмили сердито посмотрела на нее:

– Не знаю, что вы хотите сказать мистеру Дэллоуэю, но, прошу вас, скажите это в моем присутствии, особенно если это касается меня.

Взгляд старшей сестры сделался ледяным. Эмили поняла: она только что нажила себе врага, какие бы комплименты ни говорились в ее адрес ранее.

– Как скажете. У вас был кошмар. Вам пришлось ввести успокоительное.

От неожиданности Эмили разинула рот.

– Это здесь, в вашей карте. – Бэрроуз постучала по папке, затем открыла и зачитала вслух: – Час сорок пять, пациентка кричит во сне, явно от боли. Учитывая медицинскую историю, пять миллиграммов диазепама, через капельницу внутривенно.

– У меня не было никаких кошмаров, – упрямо возразила Эмили. – На соседней кровати была пациентка!

– Может, к вам прислать анестезиолога, мисс Джейкобс? – спросил Дэллоуэй.

Эмили удивленно посмотрела на него. Врач отвернулся, чтобы она не могла видеть его лица. Что-то подсказывало ей, что он больше не рад иметь ее в качестве своей пациентки. Дэллоуэй считал, что ей все это примерещилось. Одна мысль приведет к другой, и не успеет она и глазом моргнуть, как ее отправят к психиатру. Нужно срочно сгладить ситуацию. Убедить его, что никому не нужно ее обследовать.

С ее соседкой по палате было явно что-то не так. Вдруг та девушка умерла, и они просто не хотят ее расстраивать? Какова бы ни была причина их нежелания говорить на эту тему, инстинкт подсказал Эмили, что ей лучше замолчать и перестать задавать вопросы. Она устало откинулась на подушку и заморгала, словно в замешательстве.

– Наверное, вы правы, мистер Дэллоуэй. Сон, вы говорите... Со мной иногда такое бывает. Кошмары. Должно быть, побочный эффект анестезии... Как медсестра, я должна это знать. Извините, если встревожила вас.

Но Дэллоуэя это, похоже, не успокоило. Он скептически посмотрел на нее, и Эмили поняла, что должна сказать что-то еще.

– И не только из-за анестезии. Мне постоянно снятся кошмары. Мне давно пора к ним привыкнуть. Видите ли, у меня пропала сестра.

Доктор с состраданием посмотрел на нее. Похоже, он понял, кто перед ним.

– Ваша сестра – Зои Джейкобс? Студентка, будущая медсестра, которая пропала из больницы? – Он несколько долгих секунд смотрел на нее. Затем, словно выйдя из транса, хмуро кивнул. – Примите мои соболезнования.

К глазам Эмили подступили злые слезы. Она гневно посмотрела на Дэллоуэя.

– Не говорите так! Она всего лишь пропала! Она жива, а не умерла. И я найду ее.

Эмили расплатилась с таксистом. Машина остановилась рядом с Маргарет-билдингс, пешеходной улицей, въехать на которую такси не могло, так как она была уставлена столиками и стульями кафе и рекламными щитами немногочисленных магазинчиков и бистро. Расположенные в двух шагах от исторического центра города в зажиточной части Бата, эти заведения процветали. Квартира Эмили располагалась над одним из магазинов. Она подошла к синей входной двери.

Поднявшись на третий этаж, вошла в квартиру, поставила больничную сумку и направилась в кухню, чтобы поставить чайник. Затем вытащила мобильник – все еще полностью заряженный – и, пролистав свои немногочисленные контакты, остановилась на имени Эрика Хадсона, психотерапевта, которого посещала весь последний год. В последний месяц он сократил их встречи до одного раза в две недели. Эмили дотронулась до его имени, и на экране возник красный значок телефона. Вскоре в трубке раздался его голос с мягким брэдфордским акцентом:

– Привет, Эмили, как дела?

– Всё в порядке, просто решила позвонить. Я только что вернулась из больницы и хотела услышать дружеский голос, вот и всё.

Ответом ей стало молчание. Эмили представила, как Хадсон смотрит на телефон. Вряд ли он поверил в ее ложь.

– Вы хотите встретиться?

Эмили зажмурилась. Что она должна сказать? «Я видела женщину на соседней кровати, которой не существует»?

– Нет, всё в порядке. Просто хотела поздороваться.

И вновь молчание.

– Может, сдвинем график встреч и наверстаем упущенное уже завтра?

Эмили покачала головой, как будто он мог ее видеть.

– Нет, серьезно, все хорошо. Как уже сказала, я просто хотела услышать дружеский голос.

– Понятно. Вы в порядке? Все прошло хорошо?

Она засмеялась и сказала, что да, все прошло нормально. Не хватало ей, чтобы он беспокоился о ее психическом здоровье. Так что лучше не вселять в него сомнения на этот счет. Эмили уже вселила эти сомнения в умы будущих коллег – и не удивилась бы, если б ее попросили не возвращаться.

– Ну что ж, если вам снова захочется услышать дружеский голос, звоните.

Попрощавшись, Эмили тотчас отправила ему текстовое сообщение:

«Спасибо за беседу. Увидимся на нашей встрече. Э.».

Как же хорошо, что она сумела взять себя в руки и не стала рассказывать ему, что видела женщину, которой, очевидно, не существовало! Эмили расслабилась, включила радио и принялась готовить завтрак. Ей срочно требовалось поесть. Еда, ванна, а потом снова сон.

Лучше не думать о той женщине до тех пор, пока она сама не отдохнет, а обезболивающие и прочие препараты, которыми ее напичкали, полностью выйдут из ее организма. Вот тогда, с прояснившейся головой, она еще раз постарается вспомнить, что, собственно, видела день назад. А пока ей нужно очистить голову от любых мыслей и постараться забыть разговор с Бэрроуз и Дэллоуэем. Когда последний предложил прислать к ней анестезиолога, она запаниковала при одной лишь мысли о том, как быстро он усомнился в ее здравом рассудке. И с какой легкостью другие могут взять контроль над ней... Ей нельзя допустить повторения такой ситуации. У нее было прошлое, которое легко обратить против нее.

Один удар уже был нанесен. Новые удары ей не нужны.

Проснувшись после вечернего сна, Эмили растянулась на своем комковатом диване. Грудь напомнила о себе ноющей болью. Повязку нельзя было снимать, но край ее можно было слегка оторвать от кожи, чтобы он не так тянул, а заодно

принять обезболивающие. Эмили обвела глазами свою гостиную, то и дело задерживая взгляд на пятнах различных оттенков серого, в который хотела выкрасить стены. Интересно, подумала она, не засохла ли в банке краска, купленная год назад для спальни, и пригодна ли она все еще?

Может, лучше покрасить стены заново, свежей краской и другим цветом? Голубой смотрелся бы намного красивее, не правда ли? Она тотчас попыталась заставить умолкнуть голос Зои в ее голове. Иногда обрывки их разговоров, застрявшие в памяти, могли украсть несколько часов ее дня. Они приходили без предупреждения, безжалостно мучая ее. После чего Эмили преследовало неослабевающее чувство вины. Она никогда не признавалась в этом Эрику – вдруг он захочет прозондировать ее еще глубже? Ничто из того, что он говорил, не могло изменить ее чувств, и расскажи она ему об этих навязчивых мыслях, он еще, того и гляди, решит: ей есть что скрывать.

Эмили никогда никому признается в том, что сделала в тот день, когда исчезла ее сестра. Она, как и полицейский, просмотрела видеозапись и увидела, как Зои вышла из больницы, как шагала по подъездной дороге для служебного и грузового транспорта. Это воспоминание намертво засело в ее голове. Вспоминая вчерашний день, она должна понять, что заставило ее представить женщину на соседней кровати – уж не то ли самое чувство вины и паранойя? Не поэтому ли она ни разу не слышала, как та говорит? Потому что воображение не дало ей услышать ее голос? Эмили глубоко вздохнула, чувствуя, как бьется ее сердце при мысли о том, как хрупок ее разум.

За прошедший год она проделала долгий путь и теперь могла полностью сосредоточиться на других вещах в своей жизни. Последние три недели на работе показали ей, что это возможно. Проблемы с психическим здоровьем не мешали Эмили выполнять свою работу. Она знала: новые коллеги ценят ее профессионализм. Ей не нужно ни на кого полагаться, не нужно просить чьей-то помощи или совета. Она отлично знает свое дело. В медицине экстренной помощи через одну и ту же дверь в больничные стены попадают жертвы любых болезней и любых несчастных случаев. Здесь не получится, пожав плечами, ждать, пока другие придут и сделают за вас вашу работу. Трудясь здесь, Эмили приобрела бесценный опыт и не сомневалась в своих умениях.

Теперь же она должна прислушиваться к предупреждающим сигналам собственного тела, иначе больше никому не поможет. Особенно Зои. Ей пора подумать о себе. Она должна была быть умственно и физически сильной. До сих

пор работа была лучшим лекарством, и сегодня она, Эмили, едва не поставила ее под угрозу. Это нужно срочно исправить – убедить Бэрроуз, что с ней всё в порядке. Взяв с журнального столика планшет, Эмили «погуглила» сайт больницы со списком персонала и нашла рабочий адрес электронной почты Бэрроуз. Оставалось надеяться, что та регулярно проверяет свой электронный почтовый ящик.

Быстро бегая по буквам пальцами, она поблагодарила старшую сестру за ее заботу и извинилась за утреннее недоразумение, добавив, что, хорошо выспавшись днем, вспомнила, что ночью ей приснился кошмар, который вместе с введенными ей препаратами способствовал тому, что она приняла сон за реальность. Затем заверила Бэрроуз, что теперь голова ее прояснилась и она с нетерпением ждет возвращения на работу.

Отправив электронное письмо, Эмили откинулась назад, закрыла глаза и попыталась представить, что на соседней кровати лежала ее сестра – в желтом топики, джинсах и кожаных шлепанцах. Ее сестра с короткими черными волосами, голубыми глазами и ногтями на ногах, выкрашенными в голубой цвет. И все же, как ни старалась она заменить лицо той девушки на лицо сестры, ничего не получалось. На нее смотрели карие глаза. Полные тревоги и страха.

Глава 6

Громкий звук включенного телевизора был слышен даже снаружи. Постучав во входную дверь и дважды позвонив в звонок, Эмили направилась вдоль стороны дома к задней двери. Не успела она шагнуть в тесную кухню, как в нос ей ударил кислый запах немытой посуды, переполненного мусорного ведра и испорченной еды. Поставив на стол сумку с покупками и портативный холодильник, Эмили отодвинула в сторону буханку хлеба и увидела на кастрюле похожую на ярко-зеленый мох плесень.

Обед, который она приготовила своим родителям на прошлой неделе, испортился. Все стояло нетронутым. Еду даже не убрали в холодильник. Шкафчики, плиту и холодильник никто толком не мыл в течение года. Сначала она поздоровается, а затем до блеска отдраит кухню. Однако запах, видимо, извести не получится.

Свернув в узкий коридор, Эмили увидела за входной дверью кучу неоткрытых писем. Она просмотрит их позже, проверит, нет ли каких-либо неоплаченных счетов.

Лучше бы дверь гостиной была приоткрыта – тогда ее одежда и волосы не так сильно провоняли бы. Затаив дыхание, Эмили широко распахнула ее и, выпустив облако сигаретного дыма, словно веером подвигала дверь туда-сюда, разгоняя его по коридору, чтобы он унесся в менее прокуренные части дома. Ее родители сидели на разных концах коричневого дивана и смотрели дневную телепрограмму. Каждый держал по пепельнице на подлокотнике со своей стороны. На стеклянном кофейном столике стоял любимый напиток ее матери – белое вино из коробки, а рядом с отцом – банки с пивом.

Мать оторвала глаза от экрана:

– Что ты здесь делаешь? Мы не видели тебя целую неделю.

Отец не то рыгнул, не то издал какой-то горловой звук.

– Была занята, но сейчас я здесь. Чтобы узнать, как ваши дела. – Эмили не сказала им, что собирается лечь в больницу на операцию. Не хотела, чтобы они подумали, будто она ищет сочувствия.

– Значит, не смогла выкроить время, чтобы провести нас? Смотрю, ты все еще тощая... Надеюсь, ты не рассчитываешь на обед. Мы еще не ходили в магазин.

Для матери это означало прогуляться до углового магазинчика за хлебом, маслом, молоком, чаем и кофе – и, разумеется, вином и пивом, если те закончились.

– Нет, мама. Я не голодна. И принесла вам еды на ужин. Приготовила домашний пирог и купила немного продуктов.

Ее родителям было под шестьдесят, оба сидели на пособии, оба пили и курили днями напролет, с утра до ночи глядя телевизор. Эмили поражало, что при этом они никогда не выглядели пьяными и всегда могли поддержать разговор, обычно пересыпанный язвительными комментариями ее матери, – или пройти

через гостиную по прямой, не шатаясь. Эмили не давал покоя вопрос: неужели это озлобленность не дает им опьянеть? Год назад она считала их горе подлинным и материально поддерживала их, когда оба они бросили свою низкооплачиваемую работу.

Эмили следила за тем, чтобы они принимали прописанные им антидепрессанты и снотворное, сопровождала их в собес за пособием. Когда мать предложила подать заявление на компенсацию из-за исчезновения дочери, Эмили пришла в ужас. Они были подкованы, еще как подкованы! Отлично знали, где и что они могут урвать. Мать не раз говорила вслух, что больница должна понести ответственность, намекая, что Эмили должна разобраться в этой истории, поскольку она там работала. Так что вернуться на работу им мешало вовсе не безутешное горе. Они ухватились за него, как за свое право ничего не делать. Какая еще работа, если у них пропала дочь?

Мать на мгновение успокоилась и сделала глоток вина.

– Ну, так что там у тебя нового?

Эмили подошла и села на единственное свободное место в комнате – кожаную табуретку для ног.

– Я вернулась на работу.

Мать посмотрела на ее отца:

– Ты слышишь, Джон, она вернулась на работу.

Тот, в свою очередь, сердито посмотрел на жену:

– Конечно, слышал. Я же в комнате, не так ли? Что ей еще оставалось... Вдруг ее выгнали бы?

– Вообще-то это новая работа...

– Вообще-то! Ты слышишь, Джон, она вновь использует эти дурацкие словечки, будто у нас с тобой нет мозгов. Как будто нельзя просто сказать: «Я нашла

новую работу».

Эмили стиснула зубы, чтобы не ответить резко. Ей никогда не понять, как она могла родиться от этих двоих. С раннего детства – вероятно, лет с пяти – она чувствовала себя чужим ребенком. Писала слово «любовь» на каждой поздравительной открытке, какую только мастерила для них в школе, хотя это чувство было ей неведомо и потому не могло развиваться дальше. Не умея удовлетворить ее эмоциональные и интеллектуальные запросы, родители не прикладывали к этому особых усилий, считая эту неспособность виной самой Эмили. Как они могли любить ту, которая сама не любила их? Она научилась обходиться без них эмоционально и просто приняла как данность, что принадлежит им – двум людям, которые дали ей жизнь. И оставила все попытки взрастить любовь, пока не появилась Зои.

Ей было девять лет, когда ее мать, толстая и сорокалетняя, на несколько дней исчезла, а вернулась уже не такой толстой и с плетеной корзиной в руках, заглянув в которую Эмили увидела девочку в розовой вязаной шапочке и такой же розовой кофточке. Ее личико было красным и сморщенным, а крошечная ладошка хлопала по воздуху. Эта ладошка как будто оставила отпечаток на ее сердце. Впервые в своей жизни Эмили испытала любовь. Всего один взгляд на розовый сверток – и ее переполнила потребность любить. В тот момент ее жизнь изменилась. Любовь к Зои – это было единственное, что имело значение...

– Значит, у тебя есть время для работы? – уточнила мать.

– Я должна, мам. Если сидеть без дела, можно сойти с ума.

– Так кто же будет искать ее, если ты работаешь?

– Полиция...

– Полиция!... Перестань. Они уже давно махнули рукой.

– Расследование продолжается, мама.

– Небось, опять якшаешься с этой полицейской теткой?

– Оставь ее, Дорин. Она делает все возможное, – вмешался отец.

Эмили с благодарностью посмотрела на него, но, увидев его расслабленное лицо, поняла, что он пытается уснуть. Он просто хотел, чтобы они замолчали. Эмили печально посмотрела на него. Джон Джейкобс был слабым и всегда смотрел в рот жене. Любой шанс развить нормальные отношения отца и дочери был утрачен ими давным-давно. У него напрочь отсутствовала сила воли. Если жена отказывалась любить Эмили, значит, и он вместе с ней.

– Ничуть не сомневаюсь. Жаль, что не сделала все возможное, когда ей позвонили из больницы, чтобы она пришла и забрала Зои...

– Мне никто не звонил, чтобы я пришла и забрала ее, мама.

– Разумеется, не звонили. Как и она не звонила тебе накануне вечером и не просила тебя приехать к ней. Что ты тогда сказала этой полицейской тетке? – Мать нахмурилась, как будто задумавшись. – О да, верно: что ты чертовски устала.

Когда родители расспрашивали ее о том, что предшествовало исчезновению Зои, она не стала ничего от них утаивать, и с того момента Дорин Джейкобс при каждом удобном случае напоминала ей, что она подвела сестру.

– А сейчас ты не чертовски устала... Как я понимаю, ты тоже махнула рукой на поиски?

– Нет, конечно! Пока я здесь, возьму свой запасной принтер и напечатаю новые листовки.

– Листовки? – Мать язвительно рассмеялась. – Можно подумать, от них есть польза!

– Они напоминают о ней людям. Не дают им забыть ее. Что еще ты хочешь от меня, мам?

Ее мать взяла пульт от телевизора и сделала звук громче. Из-за шума Эмили не была уверена, правильно ли расслышала ее слова. То ли «вы потеряли ее», то ли

«ты потеряла ее»... В любом случае мать по-прежнему обвиняла ее.

Внезапно телевизор умолк, и мать выпустила следующую стрелу:

– Она буквально ходила за тобой по пятам. Это ты уговорила ее учиться на медсестру. Пусть лучше б она работала в магазине или в парикмахерской – но нет, ты вбила ей в голову, что она должна пойти по твоим стопам... Когда же она провалила экзамены, потому что те оказались ей не по зубам, ты бросила ее.

Заваленные экзамены за первый курс также всплыли во время допроса наряду со всем, что можно было считать причиной исчезновения Зои. Эмили закрыла глаза, отгоняя одно воспоминание, которым она ни с кем никогда не делилась.

Все говорили, что это не ее вина. Полиция, коллеги, ее лечащий врач, ее психотерапевт. Не ее вина.

Они повторяли это раз за разом. Но, как и ее мать, Эмили знала, что это не так.

Сложив грязное белье в черный пакет для мусора, она поставила его у задней двери, чтобы взять с собой, когда будет уходить. Если бросить его в стиральную машину родителей, скорее всего оно проваляется там всю следующую неделю и в конечном итоге заплесневеет.

Она пропылесосила наверху и внизу, до блеска вычистила ванную и кухню. Поставив пирог в микроволновку, установила таймер на пять минут и вытащила две чистые тарелки и столовые приборы. На кухонном подоконнике стояло выцветшее фото двухлетней Зои, сидящей в надувном бассейне-лягушатнике. Посеребренная рамка для снимка была куплена в «Вулворте» и на ней было написано: «Я люблю свою мамочку». Эмили подарила ее на День матери, в качестве подарка от обеих дочерей. Помнится, мать тогда жутко обрадовалась, хотя так ни разу и не спросила, почему на фото только Зои, и не заменила этот снимок на другой, с обеими дочерьми.

Примерно через полчаса, с запасным принтером на заднем сиденье машины, Эмили уехала, даже не попрощавшись с родителями. Вытирая слезы на щеках, она знала: причина этих слез – жалость к себе. Она целый день убирала их дом, они же постоянно давали понять, что не рады ей. Неудивительно, что она чувствовала себя больной и разбитой и хотела как можно скорее вернуться

домой.

Эмили ушла от родителей два года назад, практически на той же неделе, что и Зои, решившая пойти по стопам старшей сестры и стать медсестрой. Впервые в жизни она ощутила себя свободной. Свободной от родителей, свободной от заботы о Зои. Эмили выросла в этом районе, в окружении хороших, честных, трудолюбивых людей. Она выросла в доме, который знала как свои пять пальцев: каждую травинку в маленьком заднем дворе, каждый уголок в каждой квадратной комнате. Она выросла в доме, в котором прожила бо?льшую часть своей жизни, но никогда не могла назвать его своим.

Если б ей не нужно было возвращаться сюда, она даже не пожалела бы об этом, но это было своего рода самонаказанием. Она знала, что вернется. Она будет возвращаться снова и снова и будет заботиться о них всегда или, по крайней мере, пока не найдется Зои. Как только этот день наступит, ее ноги здесь больше не будет.

Глава 7

Эмили надела желтый жилет, перекинула через плечо рабочий рюкзак и приготовилась уйти. Запах свежей краски бил в нос. Она подошла к окну гостиной и приоткрыла его на несколько дюймов. Вернувшись сюда утром, ей меньше всего хотелось лечь спать в запахе краски. Бледно-серый цвет стен делал комнату светлее. На его фоне белый потолок казался еще белее. В общем, она осталась довольна результатом.

Последние несколько дней своего больничного пребывания Эмили занималась обустройством квартиры. Переставила мебель, перевесила на другие стены картины, заменила лампочки и в целом навела порядок. Единственной комнатой, которой не коснулась ее рука, была запасная спальня, которую она называла «Комнатой Зои». Чтобы покрасить ее, нужно будет удалить со стен десятки ярких наклеек, которые она в свое время налепила, чтобы облегчить себе поиски сестры, – с написанными от руки именами, номерами телефонов, адресами людей, которых Зои знала, мест, где она бывала. Карта города была утыкана множеством разноцветных булавок. Ими были помечены места, которые Эмили уже обыскала – или где она повесила свои плакаты, или где жили друзья, или

где якобы видели Зои, потому что находились люди, которые в ответ на призыв полиции сообщить о ее местонахождении клялись, что видели ее. – Эмили проверила их все до единого.

Все эти последние двенадцать месяцев, занимаясь поисками сестры, она каждый день с утра до вечера следила за новостями, в основном через доброжелателей на «Фейсбуке». Сколько раз неверная информация наполняла ее сердце надеждой, которая, увы, вскоре сменялась горьким разочарованием... Но душевная боль была платой за то, чтобы имя Зои по-прежнему было на слуху у людей. Сколько раз она проверяла десятки ложных сообщений в надежде на то, что хотя бы одно из них окажется правдой... Эмили мирилась с жестокостью людей, тративших ее время и не считавших зазорным оставлять комментарии по поводу исчезновения Зои или поливать помоями полицию за то, что та не нашла пропавшую девушку, – мирилась, рассчитывая на то, что кто-то наверняка располагает реальной информацией о ней.

Рядом с картой висели вырезки из газет, как местных, так и национальных, сообщавших об исчезновении Зои. Комната не только была посвящена поиску сестры, но и забита ее личными вещами. Коробки с одеждой, обувью, сумками, пластиковые пакеты с подушками, одеялами и мягкими игрушками... Джо связалась с Эмили через месяц после того, как Зои пропала, и сказала, что домовладелец с радостью сдаст комнату в аренду ее сестре – разумеется, за плату.

Эмили сумела наскрести денег на три месяца аренды, но в конечном итоге была вынуждена признать, что долго делать это не сможет, и в результате ее попросили вывезти все вещи Зои. С тех пор как вернулась на работу, она проводила все меньше времени в этой комнате, но поклялась себе, что продолжит поиски. Работа помогала ей не падать духом, освежала ум, помогала сосредоточиться на поисках Зои.

Последние несколько дней Эмили провела, не выходя из дома, и впервые за год почувствовала себя более-менее прежней. Бодрой, организованной и, если не совсем счастливой, то хотя бы спокойной. Она была готова вернуться к работе. Под лифчиком Эмили носила легкую повязку, чтобы нейлон не терся о заживающую рану. С момента операции прошло двенадцать дней, и шов был чистым и розовым, без признаков инфекции. Она была здорова и горела нетерпением вновь приступить к работе. Тем более что в полученном от сестры Бэрроуз электронном письме говорилось, что ее ждут. Выключив последнюю

лампочку в квартире, Эмили закрыла входную дверь.

В зеркале на задней стене лифта она придирчиво оглядела себя. Лицо покраснелось, темные волосы взлохматились от езды на велосипеде. Пожалуй, она успеет их причесать. Ее застучали за этим занятием – когда двери лифта открылись, там стоял Дэллоуэй. Правда, он тотчас отошел в сторону, давай ей выйти, и даже сердечно кивнул. Наверное, не узнал, подумала Эмили.

Коридоры на втором этаже пересекались, ведя в четыре зоны; лифт же располагался в центре. К каждой стене были прикреплены стрелки-указатели к палатам: Нэш, Остин, Аллен, Сулис. В коридорах было пусто и тихо. Время посещения истекло, и пациенты, если они еще не спали, вероятно, теперь возвращались в свои палаты. Дойдя до раздевалки персонала, Эмили ввела четырехзначный код и открыла дверь. В воздухе висел свежий запах дезодоранта. Со стуком захлопнулась дверь шкафчика. Затем слышались голоса. Эмили подошла к своему шкафчику.

Два медбрата готовились к смене: один натягивал через голову блузу, другой надевал кроссовки. Шелли сидела на скамейке, уставившись в свой мобильник. Она была единственной, кого Эмили узнала. Интересно, у тех двоих постоянные ночные дежурства?

Приветливо улыбнувшись, она открыла свой шкафчик.

– Привет всем, я Эмили. Это мое первое ночное дежурство. Я имею в виду, здесь.

Вперед шагнул симпатичный мужчина лет тридцати. Его длинные светло-каштановые волосы были собраны в короткий хвост.

– Джим Лэннинг, – сказал он, пожимая ей руку. – Я из агентства [6 - Nursing Agency – британская организация, которая предоставляет медицинский персонал по краткосрочным контрактам в госпитали, дома престарелых и другие медицинские учреждения.].

– Я тоже, – добавил молодой человек рядом с ним, прикрепляя к блузе часы-брелок. – Я – Рикки. Работаю в основном днем, но коплю деньги, чтобы отправиться в путешествие по Америке, поэтому выхожу в любую смену.

Шелли улыбнулась, давая понять, что она ее узнала:

– Рада видеть вас снова.

Стук захлопывающихся дверей напомнил ей, что ей тоже нужно переодеться. Эмили направилась в туалет. Ее удивило, что в больнице общая раздевалка для мужчин и женщин. Здание было достаточно большим, чтобы в нем имелись две раздевалки. Вместо этого администрация просто разделила комнату четырьмя рядами шкафчиков в центре и женской и мужской зоной на каждом конце. Правда, были еще отдельные туалеты, душевая и кабинки для переодевания. Эмили не стеснялась переодеваться перед другими, но это был хороший повод заодно сходить в туалет. Когда спустя пять минут она вышла из кабинки, раздевалка была пуста – ее коллеги уже ушли. Бросив взгляд на настенные часы, она увидела, что опаздывает к началу своей смены, и поспешила в комнату для персонала.

Медсестры пододвинули стулья к столу, образуя полукруг, а за столом восседала сестра Бэрроуз. Она посмотрела на присутствующих поверх очков:

– Все здесь?

Эмили, как мышка, скользнула на последнее место и тихо извинилась.

– У нас сегодня не хватает персонала, а пациентов много. Двое коллег из вечерней смены согласились немного задержаться, чтобы помочь нам. Шелли, я поручаю их вам. Распределите их между четырьмя зонами. Те из вас, кто работал прошлой ночью, занимаются теми же палатами. Я возьму палату Сулиса. Медсестра Джейкобс, поручаю вам Аллена. Медбрат Лэннинг, отряжаю вас ей в помощь.

Эмили встревожилась. Ей дали вторую пару тренированных рук, потому что Бэрроуз сомневалась в ней?

– Сегодня вечером у вас самая загруженная палата – трое послеоперационных больных, плюс еще одна на операционном столе, а одна из послеоперационных нуждается в индивидуальном уходе. Медбрат Лэннинг, я поручаю вам взять ее на себя. Ей сорок четыре года, и ей была сделана гистерэктомия [7 - Гистерэктомия – операция по удалению матки.]. У нее слегка понижено

давление.

– Разве ее не должны были перевести в палату интенсивной терапии? – спросила Шелли.

Бэрроуз чуть опустила голову и посмотрела на нее поверх очков:

– Мы вполне способны контролировать низкое кровяное давление. И в любом случае палата интенсивной терапии занята.

– Я понял, – сказал Джим Лэннинг слишком громко и серьезно, как будто ему предстояло ухаживать за пациентом, перенесшим серьезную операцию на сердце. Эмили слегка поморщилась.

– Надеюсь, – сухо ответила Бэрроуз. – Как только ее давление стабилизируется, вы поможете сестре Джейкобс с другими пациентками. – Она встала. – Итак, за работу. Уверена, дневной персонал мечтает уйти домой.

Медсестра, у которой Эмили принимала палату, была крайне дотошна. Она познакомила свою сменщицу с историей болезни каждой из пациенток – какие операции те перенесли, каковы их показатели и самочувствие, – вселив в Эмили уверенность в том, что теперь она располагает всей нужной ей информацией.

Единственной пациенткой, о которой ей ничего не сказали, была миссис Харрис – та самая, с низким кровяным давлением, – наблюдение за которой поручили Джиму. Эмили была счастлива взяться за работу – отомкнуть замок на тележке и приступить к раздаче лекарств.

Через час она раздала бо?льшую часть пероральных препаратов, повесила на капельницы пакеты для инфузий, ввела внутривенные антибиотики и вставила одной из пациенток новую канюлю. Больная поморщилась, когда та наполнилась физраствором, и добавила, что лежит с ней весь день.

Эмили остановилась у двухместной палаты, той самой, которую она занимала в качестве пациентки, и сунула голову в дверь.

– Всё в порядке, Джим? Тебе что-нибудь нужно?

Пациентка в постели была неподвижна и спала. Кислород, вводимый через носовые канюли, подавался через трубки, закрепленные вокруг ее ушей.

– Да, всё в порядке. Я слеживаю. Она немного озябла. Ее температура тридцать пять и пять. Нехватишь еще одно одеяло, когда будешь проходить мимо?

– Давление все такое же низкое?

– Да, но ничего страшного.

– Может, мне стоит ее осмотреть? – спросила Эмили.

Джим посмотрел на нее так, как будто она сказала нечто возмутительное, и коротко ответил:

– Нет. – Но тотчас поспешил добавить: – Спасибо, я вполне способен оценить ее состояние.

Эмили, смутившись, отступила за дверь:

– Хорошо. Я просто принесу ей одеяло.

Следующая пара часов пролетела незаметно. Эмили постоянно была занята, особенно после того как из операционной привезли последнюю пациентку, сорокатрехлетнюю женщину, которой удалили желчный пузырь. Ее рвало – вероятно, от морфина, – и Эмили была вынуждена дать ей противорвотное средство. Женщина тотчас успокоилась.

Шум и звонки, постоянная беготня и наблюдение за пациентами на некоторое время прекратились. Эмили слушала тишину и думала, как же это не похоже на отделение экстренной медицинской помощи, где день и ночь сливались воедино и где никогда не бывало тихо. Непривычно ждать, пока сам пациент не позвонит...

Было три часа ночи. В отделении стояла тишина. Эмили зевнула. Шелли не напомнила о себе всю ночь. Эмили подозревала, что все решили: раз в палате работают два человека, то помощь ей не требуется. Хотя сама она не отказалась бы увидеть Шелли, чтобы минут пять поболтать. После своего последнего визита в палату Эмили оставила Джима одного и видела его сзади только раз, когда он выскочил в туалет. Она окликнула его и спросила, может, ей стоит понаблюдать за его пациенткой, но он лишь махнул рукой и, не оборачиваясь, покачал головой и выдал лаконичный ответ:

– Нет.

Странно. Тогда почему он все еще сидит в палате рядом с пациенткой и не удосужился выйти и помочь ей? Эмили встала со стула, решив, что заглянет к нему и спросит, не нужен ли ему перерыв, или чашка кофе, или даже подушка под голову, если он уже клюет носом. Джим мог даже лежать на другой кровати, кто его знает... Эмили это не беспокоило – ведь она этого не видела, – но она даст ему понять, что тоже не дура.

Сначала Эмили даже не заметила Джима, поскольку ожидала увидеть его стоящим у кровати или сидящим в кресле. Другая кровать оставалась пуста и была аккуратно застелена. Джим поднял голову от груди женщины, и Эмили увидела на его лице страх.

– По-моему, она не дышит!

Эмили немедленно включила верхний свет и шагнула к кровати. Положив руки на плечи женщины, громко произнесла:

– Здравствуйте! Вы слышите меня, миссис Харрис? Миссис Харрис! Вы меня слышите?

Женщина не ответила. Ни голосом, ни движением.

– Черт, – выругался Джим, стоя как статуя. – Ничего не понимаю. Я думал, с ней всё в порядке...

– Давай сюда тележку экстренной помощи, – сказала Эмили и, одновременно сняв с кровати тормоз, отодвинула ее от стены и снова закрепила.

– Где она? – спросил Джим, отчаянно оглядывая комнату, словно надеялся увидеть ее рядом с собой.

Стараясь сохранять спокойствие в голосе, Эмили нажала кнопку экстренного вызова.

– Выйди из двери, поверни налево. Она между этой и следующей палатой. Отключи от розетки и прикати сюда.

Джим пулей вылетел из палаты. Эмили сняла изголовье кровати и встала у головы пациентки. Просунув два пальца под подбородок женщины, наклонила ее голову назад и, поднеся ухо к самому рту, осмотрела ее грудную клетку. Та едва заметно поднималась и опускалась. Женщина слабо дышала.

Вынув из кармана ножницы, Эмили быстро разрезала на ней рубашку. Повязка была неповрежденной и сухой, но живот распух.

Когда вернулся Джим, она велела ему отодвинуть от кровати тумбочку и подкатить ближе каталку. Взяв из выдвижного ящика орофарингеальный воздуховод [8 - Воздуховод орофарингеальный (ротовой) представляет собой трубку с физиологическим изгибом и имеет косой срез на внутреннем конце. Используется для обеспечения проходимости дыхательных путей.], быстро вставила его в рот женщины и заменила носовые канюли маской с клапаном; затем присоединила трубку к кислородному крану на стене и поставила подачу на максимум. Женщина тотчас сделала еще одно слабое дыхательное усилие. Увидев это, Эмили сжала грушу, подавая ей в легкие больше кислорода.

– Джим, живо вызывай дежурного ординатора! – Она до сих пор не привыкла к этим новым наименованиям. В частной практике так называли дежурного врача, в то время как в больнице НСЗ она просто попросила бы вызвать ординатора. – И попроси анестезиолога вернуться; скажи, что у пациентки может произойти остановка сердца. А затем принеси два литра теплого раствора Хартмана и пакеты для быстрой инфузии.

Пока он еще раз выбегал из комнаты, прибыли Бэрроуз и Шелли.

– Какая от меня требуется помощь? – спросила старшая медсестра.

– Делайте ей вентиляцию легких, а я пока приготовлю дефибриллятор и вставлю еще одну канюлю. – Бэрроуз встала вместо нее у изголовья кровати. – Шелли, я не уверена, что Джим знает, где все найти. Мне нужны два нагретых пакета с раствором Хартмана и пакеты для быстрой инфузии. – Эмили подозревала, что женщине понадобится переливание крови, но пока доктор не даст добро, раствор Хартмана сможет восполнить любую кровопотерю. – И принесите заодно анализатор гемоглобина, хорошо?

Шелли кивнула и выскочила за дверь.

Раздав поручения, Эмили нажала на мониторе кнопку «Пуск», чтобы получить новые показания жизненно важных функций пациентки. Затем схватила подушечки дефибриллятора, сняла с них защитную пленку и, прилепив их, одну над правой грудью, другую под левой, включила дефибриллятор. Быстро вытащив из тележки еще один ящик, выбрала большую канюлю. Закрепив жгут выше локтя правой руки пациентки, дала руке свеситься с кровати. Как только рука сделалась фиолетовой и в локтевом изгибе начала появляться вена, вставила в нее канюлю – и тотчас обрадовалась, увидев мгновенный отток крови. Наполнив шприц физраствором, впрыснула его в канюлю, проверяя ее проходимость.

– Что тут у вас? – услышала она знакомый голос и с облегчением увидела входящую в палату Мередит.

– Слабое дыхательное усилие. Я сразу же дала ей кислородную маску. Сейчас у нее в горле стоит воздуховод, размер номер четыре. У нее также вздутый живот и тахикардия, систолическое артериальное давление восемьдесят пять. Я не знаю, как долго оно у нее такое низкое, поскольку не успела посмотреть предыдущие записи.

Взяв карту наблюдений, Мередит быстро пробежала глазами.

– Господи, ее верхнее давление ни разу не поднималось выше девяноста пяти за последние три часа! Почему вы меня не позвали?

– Я нахожусь в этой палате всего пять минут. Спросите у медбрата Лэннинга. Он пошел за раствором Хартмана.

– И это правильно; но ей нужна кровь, и как можно скорее. Для начала вольем в нее два пакета.

Быстро осмотрев женщину, особенно область живота, Мередит подошла к тележке экстренной помощи и вытащила длинную гибкую пластиковую трубку, которая проникла бы глубже в дыхательное горло пациентки, нежели уже вставленный воздуховод, позволяя воздуху свободно циркулировать, а значит, вентилировать пациента во время операции. Процедура требовала участия двух человек.

– Готовы помочь мне, Эмили?... Сестра Бэрроуз, я прошу вас найти мистера Дэллоуэя, он только что закончил во второй операционной. И заодно сообщите мистеру Дэвису о состоянии его пациентки.

Эмили кивнула, Бэрроуз тоже. В течение следующего получаса Эмили помогала Мередит, готовя и передавая необходимое оборудование. Одновременно она велела Джиму принести кровь и пронаблюдала за тем, как он на пару с Шелли проверил пакеты и поднял их на стойку капельницы. Пациентка была бледна, как смерть, и хотя ее кровяное давление стабилизировалось, общее состояние заметно не улучшилось. Что бы ни было причиной внутреннего кровотечения, его нужно было быстро обнаружить и остановить.

Швейцар в сопровождении Мередит повез каталку вместе с трубками капельниц, мониторами, портативным вентилятором и пациенткой обратно в операционную. Эмили, опустившись на пустую кровать, сделала пару глубоких вдохов. Ей было страшно подумать, что еще пара минут, и было бы поздно: женщина могла умереть. Но даже сейчас ее жизнь висит на волоске, и, пока не закончится операция, успокаиваться рано.

– Я приготовлю нам чай, – объявила Бэрроуз, сунув голову в дверь. – Медсестра Джейкобс, все ваши пациенты чувствуют себя нормально, поэтому передохните минут пять. То же самое касается вас, медбрат Лэннинг. В четыре утра – совещание в комнате для персонала.

Эмили посмотрела на часы и с удивлением осознала, что сейчас всего лишь без четверти четыре. Последние сорок пять минут показались ей вечностью. В двухместной палате остались следы чрезвычайной ситуации, повсюду валялись брошенное оборудование и инструменты. Пол с другой стороны кровати был забрызган кровью – в спешке Джим недостаточно прочно присоединил трубку к канюле.

Джим пока еще не говорил о том, что именно произошло, но ему явно требовались слова поддержки. Эмили же, исходя из собственного опыта экстренных ситуаций, решила этого не делать. Когда ее спросят, она изложит факты, а не свое мнение. Пусть сестра Бэрроуз выясняет, почему ухудшение пациентки не было замечено раньше.

Повращав плечами и мысленно встряхнув себя, она поднялась, чтобы привести палату в порядок. Начать лучше с тележки экстренной помощи: нужно пополнить запас лекарств, чтобы она снова была в любой момент готова к использованию.

Джим, последовав ее примеру, вернул на кровать изголовье. Его движения были слишком энергичными, а вздохи – слишком громкими. Он чертовски раздражал ее одним своим присутствием. Эмили сердито толкнула тумбочку. Поддон для инъекций соскользнул и упал на пол, использованные иглы и шприцы разлетелись во все стороны.

– Давай я подберу, – предложил Джим.

Но она уже стояла на коленях, игнорируя его, и собирала раскиданное.

– Просто передай мне коробку с острыми предметами.

– Я думал, с ней всё в порядке, – сказал он. – Я думал, что ты...

Эмили глянула на Джима, и тот замолчал. Осторожно уложив использованные иглы в желтую пластмассовую коробку, она обвела глазами пол: вдруг какая-то игла осталась незамеченной? И тут ее внимание привлекло нечто блестящее – в трещине, где пол соприкасался с плинтусом. Осторожно подцепив это нечто ногтем, Эмили потянула его наружу и увидела, что за ее пальцем тянется цепочка из маленьких звеньев. Чувствуя, как тревожно бьется в груди сердце,

впилась взглядом в находку. Браслет. Она нашла браслет. Серебряный. Слишком большой, чтобы оставаться на маленьком запястье...

* * *

– Эй, Эмили, придержите лифт!

Эмили обернулась и увидела, что к ней бежит Мередит. Она вытянула руку, не давая двери закрыться. Анестезиолог была одета в розовые с темно-синим спортивные эластичные шорты и розовую рубашку-поло с коротким рукавом. На ногах у нее были синие кроссовки.

– Вы просто невероятная медсестра. Вы это знаете?

Эмили, застенчиво покраснев, поспешила отвернуться.

– Нет-нет, не отворачивайтесь, – сказала Мередит и положила руку на плечо Эмили, заставив ее повернуться к ней лицом. – Я только что прочла показания, ваши и этого неумехи, после чего отчихвостила нашу Рэтчед. У меня в голове не укладывается, как можно было поставить в эту палату такого неопытного работника, как он? Если б не вы, мы сейчас имели бы мертвую пациентку. Вы в курсе, что он даже не сделал анализ гемоглобина? Ведь было достаточно проколоть ей палец, чтобы понять, что происходит. Он сказал, что попросил вас сделать этот анализ. И вы якобы сказали, что гемоглобин в норме...

Эмили ошарашенно уставилась на нее:

– Я? Когда я предложила ему помощь, он не хотел пускать меня в палату!

Мередит весело улыбнулась:

– Не берите в голову. Мы знаем, что он солгал. Он знает, что вы спасли этой женщине жизнь. Дэллоуэй прямо сейчас поет вам дифирамбы перед мистером Дэвисом, поэтому не удивляйтесь, если тот вам позвонит. Это же его пациентка.

– Спасибо, Мередит, – наконец пролепетала Эмили, все еще в шоке от того, что сказал Джим. – Я рада, что смогла помочь.

– И вам спасибо, Эмили. Огромное спасибо.

Наконец лифт дополз до первого этажа, и обе женщины вышли. Эмили перебросила рюкзак на другое плечо. При этом тот задел грудь, и она поморщилась. Что не скрылось от Мередит.

– Эй, с вами всё в порядке? Вам следует быть осторожней. Хорошо было бы, если б у вас сидячая работа, но наша сопряжена с физическими нагрузками, так что поберегите себя, не поднимайте тяжестей и все такое прочее.

– Всё в порядке. Шов почти зажил.

– Вы – крепкий орешек, согласны? – заметила Мередит. Эмили улыбнулась.

– А чем было вызвано кровотечение? – спросила она, шагая к выходу. – Мне некогда было спросить.

Мередит подняла брови и тяжело вздохнула:

– Поврежденный сосуд. Мистер Дэвис ответит за это. К счастью для него, Дэллоуэй был на месте и вовремя все исправил; и, если повезет, у пациентки не будет никаких серьезных осложнений, кроме длительного выздоровления. Это было медленное кровотечение, и его следовало заметить гораздо раньше. Вряд ли мы снова увидим здесь медбрата Лэннинга.

Эмили благодарно вздохнула.

– Слава богу... Я не о Лэннинге, а о пациентке.

– Здесь точно не обошлось без божественного провидения.

Эмили улыбнулась. Она чувствовала себя измотанной.

– Кстати, вы уже теряете свой акцент.

– Знаю. – Мередит кивнула и, согнув правую ногу в колене, прижала ее к задней части бедра, делая растяжку. – Когда я вернусь в Штаты, мои коллеги подумают, что я говорю как аристократка... Боже, мой муж будет носить меня на руках.

Эмили засмеялась и чуть застенчиво добавила:

– А я рада, что вы все еще здесь. Хотя нет, если ваш родственник все еще болен...

Мередит покачала головой:

– Пока еще рано что-то говорить, но прогноз не слишком мрачный. Впрочем, я на всякий случай еще немного побуду тут. А нам с вами нужно как-нибудь вечером сходить выпить. Хочу попробовать уговорить вас уехать работать в солнечную Калифорнию... Вам бы там понравилось, Эмили.

От ее слов та почувствовала внутри приятное тепло; прежняя усталость исчезла. Было бы здорово начать жизнь заново. Иметь будущее, о котором можно мечтать. Совершенно новую жизнь... Затем она вспомнила Зои, и слабое тепло, которое она ощутила, превратилось в мокрый пепел. Как можно начать все заново? Разве может она бросить сестру?

Год назад Эмили сделала окончательный выбор. И теперь должна с этим жить. Она должна нести свою жизнь как крест, как наказание – пока не наступит день, когда она найдет Зои.

Анестезиолог убежала, крикнув на бегу Эмили, чтобы та назначила дату. Эмили тем временем искала ключ от велосипедного замка. Она уже обыскала карманы рюкзака, карманы спортивного костюма и, наконец, ощупала мятую форму. Нашупав сквозь ткань металл, вытащила... но только не ключ, а серебряный браслет, надежно спрятанный в кармане. Она никому не сказала о своей находке, так как еще не решила, кому можно о ней рассказать.

На стойке регистрации Эмили ввела свои имя и дату рождения и не удивилась, увидев, что ее очередь была следующей. Эрик Хадсон никогда не нарушал график приема и никого не заставлял ждать. На сегодня Эмили была его последней пациенткой, и комната ожидания была пуста. Она подошла к кулеру с водой и, чтобы утолить жажду, дважды наполнила бумажный стаканчик. Ей было жарко после езды на велосипеде, и она чувствовала себя не в своей тарелке. После ночной смены почти не спала. К ее обычным кошмарам с участием Зои добавились не менее тревожные сны об этой молодой женщине. В какой-то момент и та женщина, и Зои вдвоем сломя голову неслись по шоссе на мощном мотоцикле, причем за рулем сидела Зои.

Эмили чувствовала их страх. Они явно пытались спастись от кого-то, кто преследовал их; она же не сумела предупредить их о том, что впереди дорожная пробка. Мотоцикл врезался в автоцистерну, и Эмили проснулась в холодном поту сна.

Находка браслета не давала ей покоя. Она знала: сегодняшнее дежурство дастся ей с трудом, поскольку придется скрывать тревогу. Меньше всего хотелось добавлять к своему имени новый медицинский ярлык. Депрессия, тревожное расстройство, длительное переживание по поводу утраты, посттравматический стресс – эти «милые» ярлычки уже висели на ней. Именно их обсуждал с ней психотерапевт в течение последнего года, и постепенно Эмили согласилась с тем, что, вероятно, в той или иной степени все это у нее есть. Для этого даже не нужно быть психологом. Хотя, если честно, эти ярлыки уже начинали ее раздражать.

Ее лечение заключалось в том, чтобы озвучить их. Считалось, что это поможет ей бороться с негативными мыслями и вызовет позитивные изменения. Эмили, в свою очередь, прилагала усилия, чтобы доказать, что это работает. Она больше не стояла часами на углах улиц, глядя на каждую проходящую женщину в надежде на то, что это Зои. Она больше не ходила по пятам за незнакомыми людьми, думая, что это кто-то из приятелей Зои, и пугая их своим поведением. Она вела себя нормально. Вставала, умывалась, одевалась, ходила по магазинам, навещала своих родителей, психотерапевта, держала себя в руках и проводила каждый новый день, никого не пугая. А теперь еще вернулась на работу, сделав важный шаг вперед, чтобы доказать, что она способна держать себя в руках. Тогда зачем она все еще посещает эти сеансы, причем уже не первый раз за месяц? Наверняка у Эрика Хадсона имелись другие пациенты,

которые куда больше нуждались в его помощи, чем она. Консультации психотерапевта по государственной медицинской страховке обычно длились от шести до двенадцати недель. Кто из этих двоих – ее лечащий врач или Эрик – настоял на том, чтобы она продолжила их сверх обычной квоты? Эмили чувствовала себя виноватой за то, что ее злит такая забота.

Человек сердечный и добрый, Эрик помог ей преодолеть самый тяжелый период в ее жизни. Когда Эмили впервые увидела его, ей меньше всего хотелось разговаривать с кем-то, кто будет анализировать каждое ее слово, пытаясь понять, что не так с ее головой. Она воспринимала его исключительно как врача, квалифицированного психотерапевта.

Лишь посмотрев на визитную карточку с его контактным телефоном, которую он ей дал, Эмили увидела после его имени буквы «д.п.» и поняла, что на самом деле он доктор психологии. Уже в первый час общения с Эриком, услышав, как тот открыто говорит о Зои, о разрушительном эффекте ее исчезновения, Эмили поняла: ей нечего бояться. Его задача состояла в том, чтобы исцелить ее, но, поскольку ее душевные муки были велики, быстрого выздоровления он не ожидал.

Худой, ростом чуть выше самой Эмили, сегодня Эрик выглядел моложе. Наверное, из-за того, подумала она, что он без халата и без галстука. А все потому, что в кабинете слишком жарко. Сегодняшнее пекло превратило его кабинет в раскаленную духовку. Жалюзи были частично опущены, чтобы не впускать солнце, в углу гудел вентилятор. Эмили знала, что ему сорок лет, – единственная информация личного характера, которой она располагала. Месяц назад, в свой сороковой день рождения, когда Эрик сказал, что прошел веку, она пошутила, сказав, что ему, наверное, тридцать. Он рассмеялся в ответ и посоветовал добавить еще десяток лет. Она считала его едва ли не другом, но о его личной жизни ничего не знала. Он же знал о ней все.

– Готовы ли вы поговорить о том, чего не могли сказать по телефону на прошлой неделе? – спросил Эрик, в упор глядя на нее своими спокойными голубыми глазами.

Эмили с опаской посмотрела на него. Это было совсем не то, что она ожидала услышать.

Она села в кресло напротив него – в удобное синее кресло с широкими подлокотниками, – аккуратно поставила на пол рюкзак и дала себе время подумать.

– Если вы не готовы, это нормально; но я здесь, чтобы выслушать вас.

Тяжело сглотнув, Эмили заставила себя заговорить:

– Что-то случилось, когда я была в больнице. В смысле, была как пациентка. На соседней кровати лежала молодая женщина. Невысокая, темноволосая, похоже, иностранка. Я заговорила с ней, пытаюсь ее успокоить. Она не отвечала и казалась напуганной.

Эрик медленно кивнул:

– Безусловно, вам может быть страшно, когда вы лежите в больнице и не знаете врачебный жаргон...

– Да, я тоже так сначала подумала. Но ночью меня разбудил звук дефибриллятора. Характерный треск. Я отодвинула занавеску. Возле ее кровати стояли сотрудники больницы и пытались ее реанимировать. Внезапно, напугав меня, рядом со мной появилась медсестра или врач – кто именно, я не смогла разглядеть, потому что мне в лицо направили луч фонарика. Последнее, что я помню, – мне сделали внутривенную инъекцию, и я отключилась.

– Бедная женщина, – прокомментировал Эрик.

Эмили сцепила пальцы. Как жаль, что ей нечего повертеть в руках... В прошлый раз, когда она была здесь, на кресле была подушка, но сегодня ее нет. Не иначе как отдали в чистку от слез, пролитых на нее другими пациентами.

– На следующее утро кровать рядом со мной была пуста. Медсестра предположила, что ночью ее перевели в другую палату, и я решила, что ее спасли. – Поерзав в кресле, Эмили сложила на груди руки, словно попыталась сжаться, сделаться меньше, затем закрыла глаза и сосредоточилась на дыхании. Эрик не торопил ее. Обычно он давал ей собраться с мыслями, не перебивал и не подсказывал. Нередко они сидели в тишине несколько минут подряд.

Медленно выдохнув, Эмили открыла глаза и с благодарностью посмотрела на него:

– Когда ко мне пришли хирург и медсестра, чтобы сказать, что все прошло хорошо и я могу пойти домой, я спросила у них о той женщине. На что они ответили мне, что я была единственной пациенткой в этой двухместной палате.

Эрик удивленно моргнул:

– В самом деле? Они так и сказали? Что вы там были одни?

Эмили кивнула:

– Хирург порекомендовал мне поговорить с анестезиологом.

– Я так понимаю, он подумал, что это реакция на обезболивание. С вами такое бывало раньше?

– До этого у меня не было никаких операций.

– И что вы думаете по этому поводу, Эмили? – На его лице читалось неподдельное любопытство.

– Если честно, не знаю. Может, это галлюцинация? – Она горько усмехнулась. – Мне очень хочется в это поверить. До прошлой ночи я почти убедила себя, что мне все примерещилось... – Потянулась к рюкзаку и вытащила сложенный белый лоскуток. Положив его на подлокотник кресла, осторожно развернула его. – На девушке был этот браслет. Я видела его на ней. Еще подумала тогда, что он слишком большой и может легко соскользнуть с ее запястья. Я не знаю, что, черт возьми, происходит и кому я могу доверять. – Она растерянно посмотрела на него. – Неужели все это могло мне померещиться?

Эрик сочувственно улыбнулся:

– Все может быть. Вы всё еще активно искали – да и сейчас ищете – Зою, так что поиск сходства вполне понятен. Вы и раньше принимали за нее других пациенток. Обе женщины были похожи на вашу сестру...

Эмили закрыла глаза, пытаясь заблокировать память о тех последних днях на старой работе, когда она едва могла выполнять свои обязанности.

О Зои ничего не было известно уже три недели, когда Эмили внезапно перестала работать. Коллеги поняли, что она приходит в больницу лишь для того, чтобы проверить каждую пациентку из тех, кто только что прошел через больничные двери.

...В свою последнюю смену Эмили бросила своих пациентов без присмотра и без спроса ушла из отделения, услышав, что из реанимации в операционную доставили молодую пациентку. Медсестра, ухаживающая за ней, сказала, что у девушки красивые черные волосы. Это были лишь невзначай сказанные слова, но их оказалось достаточно, чтобы Эмили со всех ног бросилась узнавать, не Зои ли это. Нечто подобное случилось и накануне. Эмили нашли в другом крыле больницы; словно в трансе, она уставилась на пациентку в палате. Ее моментально отправили на больничный. Вместе с этим пришел страх, что она покидает последнее место, где Зои видели живой...

Эмили посмотрела на Эрика со слезами на глазах:

– Да, когда-то было так. Но мне и в голову не могло прийти, что я увижу человека, которого там не было... Это были реальные люди. Возможно, я думала, что это Зои, но то были люди из плоти и крови! Честное слово, я не знаю, что думать... Мне страшно. Вдруг я скажу что-то не то, и меня уведут оттуда в смиренной рубашке? Мне нужна моя работа. Это единственная вещь в жизни, которая позволяет мне сосредоточиться на чем-то ином, нежели моя сестра, и если я сорвусь, если меня примут за чокнутую, я не знаю, что со мной будет. У меня больше ничего нет.

– Дышите, Эмили, – тихо приказал Эрик, видя ее страдания. – Просто дышите.

Когда она наконец успокоилась, он заговорил снова:

– Скажите, это не могло вам присниться?

Эмили в отчаянии фыркнула:

– В том-то и дело. Видимо, ночью у меня был кошмар, и именно поэтому мне ввели успокоительное, но, как вы знаете, мои кошмары всегда одни и те же: я застряла в холодильнике морга вместе с мертвым телом. Почему мне должен присниться кто-то еще, кто даже не похож на Зои?

Эрик сложил ладони домиком и положил подбородок на кончики пальцев:

– Возможно, ваш разум сосредоточился на попытках помочь другой молодой женщине, потому что вы отчаялись найти Зои. Возможно, вы даже видели эту женщину мимоходом, сохранили в памяти ее образ и придумали, что она пациентка. Возможно, она даже была вашей старой пациенткой, за которой вы ухаживали... Эмили, вы страдаете от неоднозначной потери; у вас нет ответов, и, следовательно, для вас эта тема остается болезненной. Кроме того, ваше отношение к Зои выходит за рамки отношения к младшей сестре.

– Но как я могла придумать ее в таких подробностях? Одежда, цвет волос, лицо, а не просто размытое изображение?

Эрик указал через окно на маленький огороженный садик:

– Я вижу, что вы стоите там прямо сейчас. Я спроецировал перед собой ваш образ, и теперь для меня вы снаружи, в саду; правда, стоите, а не сидите. Надежда – это обоюдоострый меч; желание увидеть кого-то заставляет ум отчаянно верить в то, что это правда. Это означает, что горе не дает вам обрести душевный покой. Это называется навязчивыми образами.

Эмили посмотрела на пустой сад и увидела себя, точно так же, как представил ее себе Эрик; точно так же, как она могла представить мягкий песчаный пляж, плеск волн и голубое небо...

– Я понимаю, что вы хотите сказать. Честное слово, я понимаю. Чего я не понимаю, так это того, как я могу просто войти в эту палату и увидеть человека из плоти и крови, а не призрачный образ. Или как я могу почти через две недели найти на полу ее браслет.

– Вы могли видеть этот браслет, когда были там в качестве пациентки, – просто сказал Эрик. – Ваши глаза могли в какой-то момент заметить его на полу или под кроватью. Причем в том же самом месте, где вы его нашли. Вернувшись на

дежурство, вы вспомнили о нем.

Эмили отвела взгляд и прикусила губу.

– Значит, вы считаете, что я не должна ее искать? – Она знала: это единственный вопрос, с помощью которого можно проверить его терпение.

Эрик медленно покачал головой:

– Это не очень хорошая идея, Эмили. Как пациентка, вы были в той палате в непривычной для себя роли. Вы привыкли быть там медсестрой. А Зои пропала из больницы. Возможно, вам нужно было поставить себе другую цель – быть в той палате кем-то еще, а не пациенткой. Возможно, ваш разум хотел искать кого-то нового. – Его взгляд был полон неподдельной озабоченности. – Будьте осторожны, Эмили. Не забывайте, как далеко вы продвинулись и чего достигли. Я по-прежнему считаю, что возвращение на работу – это лучший шаг вперед. Возможно, было бы мудрее вернуться на полставки, но вы упрямы, и я не стану вас за это укорять. Однако не нагружайте себя больше, чем сможете вынести. Я не хотел упоминать об этом, но, пожалуй, все же скажу – я знаю, что дата вашей операции совпала с днем рождения Зои. Даты, юбилеи, празднования Рождества – это особенно тяжелое время, если человек переживает потерю. Возможно, ваш разум просто отвлек вас от этого, заставив сосредоточиться на чем-то менее болезненном.

На глаза Эмили навернулись слезы.

– О боже! Как я могла забыть? Ее день рождения!...

* * *

Вернувшись домой, Эмили дала волю слезам. Она была зла на себя: 30 июня наступило и прошло, а она даже не вспомнила, что это был день рождения Зои. Второй день рождения сестры без нее самой. Зои пропала 19 июня, за одиннадцать дней до своего девятнадцатилетия. Сейчас ей исполнилось двадцать, и ее родители даже словом не упомянули об этом, что, впрочем, неудивительно. Шесть месяцев назад они, поставив на колени подносы с рождественским ужином, смотрели рождественские телепередачи и даже

нарядили искусственную рождественскую елку. В доме Джейкобсов все праздники отмечались по-прежнему, даже без Зои.

Вытерев глаза, Эмили взяла одну из множества фотографий сестры, вставленных в рамки, и сердито посмотрела на нее. Фото было снято вечером. Зои в кожаной куртке Эмили, потому что ей холодно, сидит на влажной траве в Перейд-Гарденс, куда они с Эмили отправились на музыкальный рок-фестиваль.

Снимок был сделан за четыре недели до исчезновения Зои. Последнее фото ее сестры...

– Иногда я ненавижу тебя, Зои. Из-за тебя я теперь должна страдать. Иногда мне кажется, что лучше б ты вообще не родилась, – прошептала Эмили, зажмурившись, чтобы не видеть фотографию сестры.

Сейчас она уязвима, и позволь она себе думать, что могло произойти худшее, это тотчас бы сломило ее. Эмили постоянно напоминала себе, что Зои уже однажды исчезала на три дня после фестиваля в Гластонбери, когда ей было семнадцать.

Тогда от нее не было ни телефонного звонка, ни эсэмэски о том, что она нашла себе новых друзей, или о том, что отправилась на побережье, чтобы устроить там продолжение праздника. С ее стороны это было эгоистичное, бездумное поведение. От тревоги за нее Эмили тогда не находила себе места – и не сомкнула глаз, пока сестра не вернулась домой.

Если Эмили отказывалась дать ей что-то (обычно деньги) или ругала за то, как Зои объявляла на весь «Фейсбук», что где-то развлекалась всю ночь напролет, хотя ее сестра знала, что завтра ей выходить на смену, – она просто выключала свой мобильник. Именно это ее бездумное поведение позволило Эмили цепляться за надежду, что точно так же она поступила и на этот раз. Просто исчезла на какое-то время...

* * *

Эрик шагал по Королевскому парку, с улыбкой наблюдая в лучах раннего вечера за молодыми семьями: отцы пинали с малышами мячи, матери стерегли коляски.

Сквозь деревья ему были видны яркие краски воздушных шаров, слышно шипение горелок. По выходным он обычно приводил сюда своих детей, несмотря на погоду, так как считал, что дети не должны расти в тепличных условиях. Пусть они почувствуют капли дождя на лицах, ветер в волосах, потрогают руками снег. Находиться на улице в любую погоду, а не только в солнечный день, должно быть для них естественным делом. Эрик не хотел, чтобы они росли в четырех стенах, сидя перед экраном лишь потому, что на улице идет дождь. И им нравилось здесь бывать, особенно кормить уток.

Он заметил в парке три плаката «Пропала Зои Джейкобс». Вставленные в пластиковые прозрачные файлы, они были примотаны к фонарным столбам проволокой. На вид все как один были новые. Похоже, Эмили повесила их недавно, на замену тем, что были испорчены дождем. Он знал, что она меняет их раз в несколько месяцев.

Эрик привык видеть лицо Зои по всему городу. И всегда невольно отмечал, как похожи друг на друга сестры: обе темноволосые, голубоглазые, светлокожие. Когда он впервые встретил Эмили, ее волосы в отличие от волос сестры на плакатах были до плеч. Затем она обстригла их почти под ноль. Сначала Эрик думал, что Эмили сделала это себе же назло, но потом та объяснила, что они выпадают, и за одним ухом даже появилась проплешина. Он знал, что выпадение волос часто бывает вызвано стрессом. Впрочем, за последние несколько недель волосы слегка отросли, и эта прическа ей очень шла. С ней Эмили еще больше была похожа на Зои, что, очевидно, и задумывалось. Возможно, так она чувствует себя ближе к сестре...

Он тяжело вздохнул, вспоминая их разговор, состоявшийся полчаса назад. Эмили беспокоила его. До этого все шло хорошо, причем уже несколько месяцев, – и вот теперь, похоже, у нее рецидив. Хотя она утверждала, что действительно кого-то видела, реакция персонала больницы подсказывала, что, похоже, ей все примерещилось. Впрочем, это не первый случай, когда Эмили кто-то привиделся. Тогда она принимала антидепрессант амитриптилин, и галлюцинации были указаны как один из побочных эффектов.

Эмили была уверена, что видела Зои в метре от себя, что та стояла прямо перед ней. Эрик с трудом убедил ее, что это было просто дерево с лицом Зои на плакате. В те первые несколько месяцев он серьезно волновался, что в долгосрочной перспективе, если только сестра не найдется, Эмили не придет в

норму. Она горела энергией, ей нужно было вечно делать что-то такое, что помогло бы ей найти Зою. Ежедневно бродила по улицам Бата, искала сестру в домах старых друзей, одноклассников, друзей, в надежде, что кто-то, возможно, видел ее...

Со своими бесконечными запасами плакатов она обошла все магазины и пабы, железнодорожный и автовокзал и отказывалась уходить, пока они не выставят фото Зои в своих окнах. Обосновалась в полицейском участке, каждый день сидя в зоне ожидания, чтобы получить от Джеральдин Саттон свежую информацию. В первые несколько месяцев детектив Саттон звонила ему пару раз – просила, чтобы он пришел в участок и поговорил с Эмили, поскольку тревожилась за нее и не хотела отправлять ее домой без каких-либо хороших известий.

Эмили была пациенткой Эрика уже год. Постепенно он проникся к ней восхищением – пережить это страшное время ей помогли спокойное достоинство и внутренняя сила. Как же обидно, что как раз тогда, когда худшее, казалось, осталось позади и впереди замаячила нормальная жизнь, она дала ему повод для новых опасений... Может, она слишком рано вернулась на работу, тем более в больницу? Эрик не мог закрыть глаза на тот факт, что ее работа заключалась в заботе о других людях – тех, что были уязвимы и нуждались в ком-то, кто сильнее их. Многие работники здравоохранения страдали психическими расстройствами, однако могли полноценно функционировать, с психологической поддержкой или без таковой. Некоторые даже полностью выздоравливали. Лечащий врач Эмили был доволен тем, что она готова работать, как и он сам до сегодняшнего дня. И очень надеялся, что в конце концов их сеансы закончатся и Эмили перестанет быть его пациенткой...

И вот теперь ему придется переоценить ситуацию и вновь пристально следить за ней. Для начала можно возобновить еженедельные сеансы, даже если они будут проводиться по телефону. Если Эмили вознамерилась искать воображаемую женщину, это чревато для нее самыми разными неприятностями – например, недопониманием со стороны коллег по работе, которые не имеют представления о ее душевном состоянии. Не дай бог, ситуация станет неуправляемой и Эмили потерпит неудачу, едва только снова начав нормально жить...

Эрик имел дело с разными формами утрат: выжившие в автомобильных авариях, ставших смертельными для других пассажиров; родители, потерявшие ребенка; люди, у которых болезнь забрала близкого человека. Недавно он начал

консультировать женщину, чей муж, которому было лишь за шестьдесят, страдал ранней формой старческой деменции. Она заранее оплакивала утрату, которую ей еще предстояло пережить, – полную потерю им разума. Утрата Эмили была, пожалуй, самым тяжелым случаем – она не знала, что произошло, и возможно, не узнает никогда.

Глава 10

Эмили видела, что у флеботомистки не получается взять кровь из толстой руки мужчины. Та уже дважды пробовала сделать это на локтевом сгибе, и оба раза не попала в вену. Теперь оба прокола кровоточили. Проблема с толстыми руками состоит в том, что вену трудно найти, даже пальпировать не всегда получается. Эмили, глядя, как флеботомистка затягивает на его предплечье жгут – чтобы, по всей видимости, вслепую совершить очередную попытку и в третий раз потерпеть неудачу, – предложила:

– Хотите, я попробую?

Когда прибыла флеботомистка со своей тележкой, Эмили занималась оформлением мистера Пателя, у которого на завтра была назначена операция. Она удивилась, что флеботомистка работает после пяти часов. В системе государственного здравоохранения эти специалисты работали с девяти до пяти, с понедельника по пятницу.

Мистер Патель перевел взгляд с одной женщины на другую.

– Я не подушка для булавок. Мне все равно, кто возьмет у меня кровь. Главное, чтобы это было сделано быстро.

Обиженно поджав губы, флеботомистка развязала резиновый жгут и холодно посмотрела на Эмили:

– Пожалуйста.

Наложив свой собственный жгут там, где только что был натянут жгут флеботомистки, Эмили опустилась на одно колено и, легонько постучав по тыльной стороне ладони мужчины, подождала, наблюдая, как вена набухает кровью.

– Вы больно пережали мне руку, – пожаловался мистер Патель.

Эмили ласково улыбнулась ему и вновь посмотрела на вену.

– Извините. Потерпите еще несколько секунд, и все закончится. Больше никаких игл.

– Занимайтесь своим делом, барышня, а то я уже не чувствую руки.

– Уже готово, мистер Патель, – ответила она, снимая жгут.

– Отлично! Я даже ничего не почувствовал.

Он улыбнулся ей одними губами, и его черные усы изогнулись. Лысая голова, маленькие уши и темные карие глазки делали его похожим на суриката. Затем похлопал себя по круглому животу:

– Я толстый, потому что диабетик, и я диабетик, потому что толстый.

Тихо пробормотав извинения, Эмили вручила пробирки с кровью флеботомистке. Та явно была обижена на нее. С квадратной челюстью и заметным прикусом, эта женщина была далеко не красавица. Ее спасала лишь аккуратная, сделанная в хорошей парикмахерской стрижка. В конце концов она улыбнулась:

– Забудьте. Я просто поторопилась. Спасибо за помощь. Я слышала, вы мастер своего дела... – С напускной суровостью посмотрев на Эмили, она положила пробирки в прозрачный пластиковый пакет. – Только не оставляйте меня без работы.

...Эмили закончила оформление пациента. Он поступил вечером накануне операции, так как жил один, и в больнице хотели убедиться, что он пропустил утренний инсулин, а также ничего не ел. Когда его положили в палату, Эмили

занималась передачей других пациентов и теперь отставала от графика процедур. В одиннадцать часов она почти закончила раздавать лекарства, и была благодарна за то, что ей дали в помощницы Шелли. Та взяла на себя обход пациентов – готовила их ко сну, раздавала кувшины с питьевой водой, горячие напитки и в целом облегчала работу Эмили.

– Кофе или чай? – громким шепотом спросила Шелли из коридора.

– Чай, пожалуйста. – Эмили пальцами изобразила букву Т [9 - Первая буква английского слова tea (чай).].

После прошлой ночи в отделении стало спокойнее. Она ничего не слышала о Джиме Лэннинге от Бэрроуз, и, за исключением новой медсестры, красавицы испанки по имени Зита, которая также пришла из агентства, команда была та же, что и прошлой ночью.

Когда Эмили присоединилась к Шелли на посту медсестер, устроенному в части коридора, что вел к платным палатам, та рассматривала себя в круглое зеркальце пудреницы. Сам пост имел открытую планировку – рабочее пространство, монитор, отображающий текущие данные всех пациентов отделения, телефоны и канцелярские принадлежности. От коридора пост отделял барьерчик, и с той его стороны, где сидели медсестры, были установлены ночники, освещавшие стол, а не их лица.

– Просто потрясающая помада. Наверное, я куплю себе вторую такую. Ее даже приходится оттирать! Тебе подошел бы этот цвет, к твоим черным волосам и голубым глазам. Знаешь, у тебя действительно интересное лицо. Ты напоминаешь мне кого-то...

Эмили застыла, затаив дыхание. Хотелось надеяться, что Шелли поймет, какую ерунду сморозила, и вспомнит, кто она такая.

Шелли щелкнула пальцами:

– Девушку с зеленой татуировкой.

Эмили облегченно выдохнула и мысленно отругала себя. Шелли просто треплется. Она уклончиво улыбнулась, надеясь, что их разговор все же будет не таким пустым. С тех пор как Эмили оказалась здесь в роли пациентки, она впервые была наедине с Шелли. Это был ее первый шанс задать ей несколько вопросов.

– Ты имеешь в виду «Девушку с татуировкой дракона»? Хорошая книжка.

Шелли убрала зеркальце и сморщила нос:

– Нет, такое лучше смотреть по телику... Да, ты – вылитая она. Иностранный фильм, а не тот, что с Дэниелом Крейгом. Хотя и на ту девушку ты тоже немного похожа.

Мгновенно представив себе лицо с пирсингом, Эмили задалась вопросом, на кого она предпочла бы быть похожей: на выбор ее матери, Руни Мару, с ее короткой стрижкой и вырванными зубами, или на выбор Шелли, шведскую актрису со свирепым лицом [10 - В американской киноверсии «Девушки с татуировкой дракона» главную женскую роль сыграла актриса Руни Мара; в шведской – Нуми Рапас.].

– Шелли, – как будто невзначай сказала она, пытаясь увести разговор в сторону от макияжа и фильмов. – Ты помнишь тот день, когда я была здесь пациенткой?

Шелли театрально похлопала ресницами:

– Как я могу такое забыть, если именно я отдавала тебе все свое внимание и заботу?

– Помнишь следующий день, когда я проснулась и ты дала мне чай? Помнишь, как я спросила тебя, что стало с пациенткой на соседней кровати? И ты сказала мне, что ее, по всей видимости, ночью перевели в другую палату?

– Медсестра Джейкобс!

Эмили вздрогнула и плеснула на руку горячий чай. Быстро поставила кружку и другой рукой вытерла пролитую жидкость. Она не слышала, как подошла

старшая сестра. Интересно, что из их разговора та услышала?

– У вас тут всё в порядке? – спросила Бэрроуз.

– Да, сестра. Шелли и я только-только присели. Все пациенты готовы ко сну.

– Ну, раз так, если ты не возражаешь, Шелли, я заберу тебя. Поможешь мне с некоторыми пациентами. В одиночку я просто не успеваю.

– Конечно, – сказала Шелли и встала.

– Захвати свой чай, дорогая, можешь его допить. Я скоро к тебе приду. Просто хочу кое о чем переговорить с медсестрой Джейкобс.

Шелли ушла. Эмили тотчас напряглась. Хотелось надеяться, что «переговорят» они о пациентах.

Бэрроуз не стала держать ее в напряжении:

– Боюсь, я подслушала часть вашего разговора, сестра Джейкобс, и мне кажется, нам следует обсудить... эту вашу обеспокоенность. Эту пациентку, которую, как вы утверждаете, вы якобы видели.

Эмили почувствовала, что залилась краской. Какое счастье, что основные лампы погашены и в полумраке это не так заметно!

– Я... Я просто хотела узнать, что, возможно, Шелли тоже ее видела.

Бэрроуз застыла, как статуя. Ее следующие слова были произнесены тихо, почти самой себе:

– О боже...

Эмили заговорила, даже не подумав:

– Вы наверняка понимаете: если кажется, что ты кого-то видел, то ты захочешь это проверить. Я ведь не утверждаю, что она точно была там. Я просто хотела убедиться, что ее там не было.

– Медсестра Джейкобс, насколько я понимаю, это не первый случай, когда вам что-то мерещится?

Эмили удивленно уставилась на нее. Откуда ей это известно? Ведь у нее нет доступа к записям ее психотерапевта...

– Возможно, больничные сплетни достойны осуждения, моя дорогая, и тем не менее о вас говорят такое. И хотя я искренне сочувствую вам по поводу того, что вы пережили, я не допущу, чтобы вы работали здесь, если такое будет продолжаться.

Должно быть, на лице Эмили отразился шок, и она пожалела, что затронула эту тему в разговоре с Шелли. Ей никак нельзя потерять работу и вернуться к бесконечным дням одиночества и навязчивым мыслям о Зои. Ей нужно разнообразие в жизни, нужно двигаться вперед, чтобы каждый день думать и разговаривать с нормальными людьми о нормальных вещах...

Бэрроуз протянула ей бумажный носовой платок.

– Не плачьте, моя дорогая. Вы не поверите, но в своей старой больнице, еще будучи студенткой, я однажды решила, что видела там привидение.

Эмили вытерла глаза и недоверчиво уставилась на нее.

– Да-да, моя дорогая. Старые байки, рассказанные другими, так распалили мое воображение, что я поверила, что это правда. Дескать, призрак старика – бывшего пациента – якобы частенько посещал по ночам больницу, так как он умер там много лет назад. Говорили, что он якобы приходил и сидел с медсестрами ночи напролет или у постели больных, разговаривая с ними. В течение нескольких недель мне было страшно заходить ночью в ту палату из-за страха увидеть его. В ночь, когда мне показалось, что я увидела его в дальнем конце коридора, я буквально окаменела от ужаса. Мне было страшно сдвинуться с места. Но затем пациент – точнее, пациентка – вызвала меня звонком, и я была вынуждена пойти и проверить, в чем дело. Я смотрела себе под ноги, пока шла

по коридору, и когда в конце концов подняла глаза, призрак уже исчез. Я тогда правильно сделала, что пошла на звонок. Пациентка, которая позвонила, нуждалась в срочной помощи; после удаления миндалин у нее было послеоперационное кровотечение.

Услышав эту историю, Эмили слегка успокоилась. Возможно, Бэрроуз не так уж и плоха. Просто она – представительница старой школы и привыкла поступать так, как ее учили.

– Извините меня за мое поведение, сестра Бэрроуз. Я действительно возьму себя в руки.

Та кивнула:

– Хорошо. Я надеюсь, что так и будет. К тому же наша больница еще слишком новая, чтобы обзавестись собственными привидениями, – добавила она с кривой усмешкой. – В ту ночь вы действительно были единственной пациенткой в той палате, и я надеюсь, что это успокоит ваш разум.

С этими словами старшая сестра ушла. Эмили осталась одна, чувствуя себя полной идиоткой – и вместе с тем испытывая облегчение.

И да, ей стало гораздо спокойнее. Она была благодарна Бэрроуз, что та поделилась с ней чем-то личным. Даже если тот призрак был совершенно иным, нежели ее собственный, по крайней мере, это продемонстрировало другую сторону суровой старшей медсестры. И Эрик тоже прав. Возможно, она видела эту молодую женщину раньше... Что, если это ее бывшая пациентка? Или же просто посетительница, которая не то устала, не то почувствовала себя плохо и забрела в пустую палату, чтобы полежать на кровати... Так, конечно, обычно не поступают, но кто знает, как порой ведут себя люди? Это также могла быть пациентка, поступившая в тот самый день и по ошибке забредшая не в ту палату, и когда поняла свою ошибку и поспешила прочь, то потеряла браслет. Да-да, это просто была не та палата. Не та палата... Эта мысль прочно засела в голове Эмили. Та девушка просто была не в той палате!

Какая же она глупая. Почему ей раньше в голову не пришло столь логичное объяснение ее присутствия там? Это избавило бы ее от навязчивых мыслей. Хотелось надеяться, что Бэрроуз оставит ее в отделении. Эмили на миг пришла в

голову идея пойти и снова поговорить с ней, сказать, что, кажется, она нашла объяснение, но это дало бы старшей сестре повод полагать, что она не думает о своей работе, а занята другими мыслями. Эмили была рада, что, кроме Эрика, никому не рассказала о своей находке – браслете.

Вдруг она отыщет эту пациентку и вернет его ей? Можно заглянуть в журнал учета личных вещей пациентов и попробовать отыскать там ее имя. Наверняка должен оставаться дубликат квитанции, если девушка отдала на хранение браслет или указала что-то иное из ценных вещей. Там наверняка будет стоять дата и ее подпись.

Журнал хранился в ящике на медицинском посту.

Пролистав страницы назад до даты своей операции, Эмили увидела несколько имен. Четыре были женскими, включая ее собственное: Эмили Джейкобс. Рядом было написано: «Белое металлическое кольцо для пупка с камнем». Она забыла снять его перед тем, как ехать в больницу, и отдала на хранение, потому что это были настоящий бриллиант и настоящее белое золото. В журнале учета ювелирные изделия во избежание ошибки было принято описывать словами «желтый металл» или «белый металл»: золотой браслет может оказаться медным, а бриллиантовое кольцо – простой стекляшкой... Три других имени звучали по-английски, хотя какой от этого толк? Учитывая, что она не произнесла ни слова, эта девушка вполне могла быть англичанкой по имени Линда Паркер или Джули Дональд.

Позже она поищет имена, проверит истории болезни, узнает даты их рождения – вдруг они окажутся хотя бы примерно того же возраста? А пока сосредоточится на работе. И расслабится. Она выяснила причину, почему девушка была там, где была, а то, что она видела ночью, вполне могло быть просто ночным кошмаром. Какая глупость с ее стороны изводить себя тем, что так легко объяснить! Эмили с облегчением улыбнулась. Ну наконец-то! Не дававшая ей покоя ночная история обрела смысл.

– Помедленнее, медсестра Джейкобс. Можно подумать, вы торопитесь на пожар!
– сказала Бэрроуз, когда Эмили, глядя себе под ноги, пронеслась мимо нее с подносом для инъекций.

– Извините, сестра Бэрроуз, тороплюсь. Пациентка в третьей палате вот уже десять минут ждет, когда ей дадут судно, – ответила Эмили, стиснув зубы. Ей осточертело слышать, как ее называют медсестрой Джейкобс. Из-за этого вечного подчеркивания должностей она чувствовала себя персонажем телевизионной драмы восьмидесятых годов. Медсестра такая-то, доктор такой-то...

Только санитарок называли по именам, как будто их должность была недостойна называния их по фамилии. Даже на бейджиках указывались только их имена, что Эмили считала оскорблением. Она жутко скучала по своему старому отделению, где все было знакомо, не так пафосно, и где работали живые люди. Тамошние медсестры рыгали, пукали и потели. Врачи, которые чесали подмышки, ели уличную еду и жаловались на обычные вещи. Они бегали, даже если не было пожара, потому что скорость подчас решала все. Эмили пересмотрела свое мнение, что отделение экстренной помощи – самое сумасшедшее на земле место работы. Запарка случается во всех больницах, в том числе и в этой. Но сегодня это особенно действовало ей на нервы – из-за здешней чопорности. Казалось, больница предназначалась для «Степфордских жен» [11 - «Степфордские жены» – популярный роман А. Левина (1972), экранизированный в 2004 г. Словосочетание «степфордская жена» стало нарицательным – так говорят о женщине, которая стремится стать идеальной домохозяйкой, ставя интересы семьи превыше собственных. Степфордом часто называют место, в котором творится что-то странное, а люди ведут себя загадочно и неестественно.] – все в ней должно быть идеально и правильно.

Бросив использованный лоток для инъекций на стойку в процедурной, Эмили выскочила обратно, чтобы принести судно. Впервые за много дней она вышла в первую смену, отгуляв после вечерних лишь один выходной. Неудивительно, что она валилась с ног от усталости. Ощущение было такое, будто всю работу делает она одна. Почему другие медсестры не отвечают на звонки больных? Буквально все лежало на Эмили – и подготовка пациентов к операции, и утренняя раздача лекарств, и вот теперь она должна подавать судно... В этой смене сегодня еще Рикки и Шелли; следить за такими вещами – их прямая обязанность.

Поставив судно рядом с кроватью пациентки, она отцепила от нее капельницы и дренажные мешки и помогла тучной женщине сесть на горшок. Едва ее зад опустился на сиденье, как в судно полилась струя мочи.

– Вас оставить на минутку? – спросила Эмили.

Женщина покачала головой:

– Лучше не надо. Если вы оставите меня, я застряну здесь на десять минут. Мне нельзя напрягаться, говорит доктор. Но от всех ваших таблеток, которыми меня пичкают, у меня запор.

Эмили сочувственно кивнула:

– Я попрошу врачей взглянуть на ваши лекарства. Посмотрим, может, они заменят что-то из препаратов...

– Моя Кора ходит в клинику, где ей промывают кишечник. – Больная усмехнулась. – Говорит об этом так, слово ей делают маникюр. Как я понимаю, это что-то вроде клизмы. Странно, что люди готовы платить за это большие деньги. Ни за что не поверю, что кишкам это идет на пользу.

Эмили терпеливо улыбнулась и мысленно велела толстухе поторопиться. Ее пациентка должна быть в операционной уже через пять минут.

Возвращаясь с судном в туалет, она заметила, как в одну из палат вошел Дэллоуэй – по всей видимости, к первому пациенту в списке на операцию, чтобы проверить, готов ли тот. Быстро вылив содержимое судна, Эмили вымыла руки и поспешила следом за ним. Хирург уже закончил осмотр пациента и теперь был занят тем, что поправлял на нем операционную рубашку. Рядом ним стояла жена оперируемого.

– Так что скоро увидимся, – сказал Дэллоуэй. – У вас есть вопросы?

Вид у мужчины был безрадостный. Он покачал головой:

– Пути назад нет, я прав?

Дэллоуэй покачал головой.

– Мне придется жить с пакетом до конца моих дней?

Его жена шагнула вперед и сжала руку мужа:

– Нил, не думай об этом; думай о том, что тебе больше не будет больно.

На глаза ему навернулись слезы, и он с силой потер их кулаками. Ему было из-за чего переживать. После удаления толстой кишки его жизнь уже никогда не будет прежней. Факт, что это спасет ему жизнь, мало утешал.

– Нельзя ли дать ему перед операцией успокоительное? – спросила жена. Для столь раннего часа она выглядела безупречно: волосы идеально уложены, лицо накрашено, наряд тщательно выбран. Никаких легинсов и свободных топов для длительного посещения, какие обычно видела Эмили.

Дэллоуэй, насупив брови, кивнул:

– Разумеется. По идее, ему уже должны были дать таблетку... – Он заметил позади себя Эмили. – Медсестра Джейкобс?

Эмили быстро взяла со спинки кровати карту с назначенными мужчине лекарствами. Все выписанные ему медикаменты он уже получил. Его палата была последней, в которую она заходила. Эмили отлично помнила, что положила в коробочку желтую таблетку. Она быстро пробежала глазами столбцы слева направо и сверху вниз, заканчивая сегодняшней датой. Ее палец скользнул по строчке «препарат дается только один раз» и вернулся к крошечному квадратику, в котором должны были стоять ее инициалы. Только их не было. Квадратик был пуст.

– Медсестра Джейкобс, пациент уже получил назначенный ему препарат?

Эмили вопросительно посмотрела на мужчину в кровати:

– Разве я не дала его вам?

– Конечно, вы бы знали, если б дали, – заметила его жена.

– Я не знаю, медсестра. Здесь все дни похожи. Я видел вас сегодня, но, честно говоря, дорогая моя, вы могли бы дать мне что угодно, и я бы даже не заметил.

– Что ж, весьма прискорбно, – заявила жена, в упор глядя на Эмили. – Кому, как не вам, знать, давали вы моему мужу таблетку или нет? Вы ведь наверняка расписываетесь за лекарства, которые даете?

Эмили почувствовала, как ее лицо вспыхнуло. Во рту пересохло. Она помнила эту таблетку. Она была уверена, что дала ее ему, но тогда почему в квадратике не стоит ее подпись? Куда подевались ее инициалы?

– Извините, миссис...

– Джеффрис. Вы даже не можете вспомнить его фамилию. И что за люди у вас здесь работают?

– Анна, успокойся. Побудь ты здесь достаточно долго, увидела бы, что у них нет времени, чтобы передохнуть даже минуту. Они постоянно куда-то торопятся. И мне не нужно никакое успокоительное. Можно подумать, это моя первая операция. – Нил Джеффрис посмотрел на мистера Дэллоуэя. – Я буду готов, когда вы будете готовы.

Дэллоуэй посмотрел на пациента, но сначала бросил уничижительный взгляд на Эмили.

– Тогда до скорого, – с улыбкой произнес он Джеффрису.

Выйдя в коридор, врач тотчас повернулся к ней:

– Вы поставили меня в неловкое положение. Вы дали ему таблетку или нет, сестра Джейкобс?

Эмили покачала головой:

– Я уверена, что давала. Я помню, что видела ее в коробочке. Я...

– Медсестра Джейкобс, вы начинаете беспокоить меня.

От его слов она как будто приросла к месту и невольно разинула рот.

– Вчера утром я был вынужден отменить операцию мистера Пателя. Как вы знаете, операции проводятся натощак, он же накануне поел. Насколько я понимаю, это был ваш пациент. А ведь он потому поступил в отделение вечером, чтобы утром у него был пустой желудок.

Эмили почувствовала, что внутри у нее все сжалось. Она с дрожью в коленях попыталась вспомнить вчерашнее утро, но, увы, так и не смогла. На память пришло лишь то, как она принимала его, как вставляла в его толстую руку канюлю...

Она помнила свой разговор с сестрой Бэрроуз. Остаток вечера прошел без происшествий. Эмили раздала утренние лекарства, помогла рано утром разнести чай, передала пациентов дневному персоналу. Но она не помнила, чтобы давала мистеру Пателю какие-то жидкости или еду.

– Не понимаю. Он ничего не ел. Я никогда не дала бы ему даже крошки. Я абсолютно уверена, что ничего такого не делала.

– Точно так же, как вы уверены, что дали мистеру Джеффрису его таблетку? Вы хорошо себя чувствуете, медсестра Джейкобс? Сестра Бэрроуз высказывала по вашему поводу опасения...

Эмили энергично потрянула головой:

– Да, мистер Дэллоуэй. Со мной всё в порядке. Просто я устала и слегка выбита из колеи событиями этого утра.

Врач строго посмотрел на нее:

– Может, вам лучше взять выходной и пойти домой?

– Пойти домой? – Голос Эмили был пронизан тревогой.

– Да. Я не могу поставить под удар репутацию клиники. Я даю вам легкий путь отсюда. Просто скажите, что плохо себя чувствуете, и идите домой. Можете даже обратиться к своему терапевту; вдруг вы и впрямь больны...

В конце концов, Эмили сослалась на мигрень, что отчасти было правдой: крутя педали по дороге домой, она ощущала, как каждое нажатие отдавалось в черепе болезненным толчком.

Эмили никак не ожидала, что ей придется завершить смену так внезапно. Она ехала через парк, то и дело встречаясь глазами с сестрой, смотревшей на нее с плакатов, которые она там расклеила. Никогда еще Эмили не чувствовала себя такой одинокой.

– Ты довольна, Зои? – горько прошептала она. – Неужели одного наказания мне недостаточно?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Джейн Доу – условное обозначение женщины в судебных делах, зафиксировано с 1768 г. Мужчин называли Джон Доу. К 1852 году Джейн или Джоном Доу стали называть «любого человека, чье имя неизвестно».

2

Речь идет о клипе к песне Майкла Джексона «Thriller», снятом в стилистике фильма ужасов.

3

Национальная служба здравоохранения, или НСЗ – государственное учреждение в Великобритании, обеспечивающее всем жителям страны бесплатную медицинскую помощь; финансируется за счет общих налоговых поступлений.

4

Соответствует размеру S, или российскому 42-му.

5

Примерно 1,5 м.

6

Nursing Agency – британская организация, которая предоставляет медицинский персонал по краткосрочным контрактам в госпитали, дома престарелых и другие медицинские учреждения.

7

Гистерэктомия – операция по удалению матки.

8

Воздуховод орофарингеальный (ротовой) представляет собой трубку с физиологическим изгибом и имеет косой срез на внутреннем конце. Используется для обеспечения проходимости дыхательных путей.

9

Первая буква английского слова tea (чай).

10

В американской киноверсии «Девушки с татуировкой дракона» главную женскую роль сыграла актриса Руни Мара; в шведской – Нуми Рапас.

11

«Степфордские жены» – популярный роман А. Левина (1972), экранизированный в 2004 г. Словосочетание «степфордская жена» стало нарицательным – так говорят о женщине, которая стремится стать идеальной домохозяйкой, ставя интересы семьи превыше собственных. Степфордом часто называют место, в котором творится что-то странное, а люди ведут себя загадочно и

неестественно.

Купить: https://telnovel.com/ru/louler_liz/ya-naydu-tebya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)